

СЕРИЯ

С АРА

Пернатые друзья – это навсегда
**НОВЫЙ УРОВЕНЬ
ВОПЛОЩЕНИЯ ЖЕЛАНИЙ**

**ФЕННЕКИНГ
ФЕННЕЧПНС**

Книга 1

Эстер и Диррон Хис
Книжка «Белоснежка»

Эстер и Джерри Хикс

Сара (книга 1)

(учение Абрахама)

Пернатые друзья — это навсегда

НОВЫЙ УРОВЕНЬ ВОПЛОЩЕНИЯ ЖЕЛАНИЙ

Предисловие

Перед вами вдохновенная и вдохновляющая книга о духовном путешествии ребенка в область безграничной радости. Сара — застенчивая, замкнутая девочка десяти лет, не слишком счастливая. У нее несносный брат, который постоянно ее дразнит, жестокие и бесчувственные одноклассники, и к учебе она относится прохладно. Короче говоря, она — портрет множества детей нашего общества. Когда я впервые читала эту книгу, меня поразило сходство между Сарой и моим собственным десятилетним ребенком. Сара действительно собирательный образ всех детей.

Сара хочет чувствовать себя счастливой и любящей, но, оглядываясь вокруг, не видит поводов для таких чувств. Все меняется, когда она встречает Соломона, мудрого старого филина, который показывает ей, как видеть все иначе — глазами безусловной любви. Он учит Сару постоянно жить в атмосфере чистой позитивной энергии. Она впервые видит, кто она такая и насколько безграничен ее потенциал. Вы, читатель, поймете, что это намного больше, чем детская история. Это карта обретения радости и счастья, положенных вам по праву рождения.

Вся моя семья прочитала эту книгу, и с тех пор мы все изменились. На моего мужа она произвела, наверное, самое сильное впечатление. Он сказал, что был поражен настолько, что теперь смотрит на жизнь новыми глазами. Представьте, что вы всю жизнь были близоруки, но только сейчас надели очки. Все становится кристально ясным.

Я не могу перестать хвалить эту книгу, которая преображает жизнь. Вы разделите с Сарой ее успехи и неудачи на пути к высотам исполнения желаний. Знайте, что в каждом из нас живет Сара. Если вы можете купить только одну книгу — обязательно купите эту (она подходит для всех возрастов). Вы не пожалеете!

Дениз Тарситано, серия «Восходящие звезды»

Вступление

«Людам больше нравятся развлечения, чем информация». Насколько я помню, это наблюдение сделал выдающийся издатель Уильям Рэндольф Хёрст. Если это так, то очевидно, что наиболее эффективный способ передачи информации, даже имеющей огромное значение для личности, — в развлекательной форме.

«Пернатые друзья — это навсегда» и развлекает, и информирует, в зависимости от того, что вам больше нравится, благодаря Эстер и ее текстовому редактору. Уроки бесконечной мудрости и безусловной любви, которые преподает весьма занятный пернатый наставник Сары, переплетаются с рассказами о том, какой просветляющий опыт Сара получает при общении со своей семьей, друзьями, соседями и учителями; благодаря этому вы поднимаетесь на новый уровень осознания естественного благополучия и понимания того, что все хорошо.

Задумайтесь о том, кто вы и почему вы здесь, а затем, когда закончите первое неторопливое прочтение книги, обратите внимание на то, как быстро и как далеко вы продвигаетесь на пути к тому, что для вас важно.

Благодаря этой короткой, простой, заставляющей задуматься книге вы приобретете более четкую точку зрения, которая приведет вас на новый уровень воплощения желаний.

Часть I

Вечность птиц одного полета

Глава 1

Сара, лежавшая в теплой постели, нахмурилась, расстроенная тем, что проснулась. За окном все еще было темно, но она знала, что пора вставать. «Ненавижу эти короткие зимние дни, — подумала Сара. — Я бы лучше оставалась в постели, пока не взойдет солнце».

Сара знала, что ей что-то снилось — что-то очень приятное, хотя сейчас она совершенно не помнила, о чем именно был сон.

«Я пока не хочу просыпаться», — подумала она, пытаясь переключиться с приятного сна на не слишком приятное холодное зимнее утро. Сара зарылась глубже под теплое одеяло и прислушалась, пытаясь понять, встала ли мама. Она натянула одеяло на голову, закрыла глаза и попыталась вспомнить хоть кусочек того приятного сна, из которого вынырнула. Он был настолько замечательным, что Саре хотелось еще.

«Тьфу. Мне нужно в туалет. Может, если потерпеть и расслабиться, я про это забуду... — Сара сменила позу, пытаясь отсрочить неизбежное. — Не получается. Ну ладно. Я проснулась. Еще один день настал. Ничего». Сара на цыпочках прокралась по коридору в туалет, осторожно обходя вечно скрипящую половицу, и тихонько прикрыла дверь. Она решила не сразу спускать воду, чтобы насладиться одиночеством. «Всего пять минут тишины и покоя».

— Сара! Ты уже встала? Иди сюда, помоги мне!

— Можно было смывать сразу, — пробормотала Сара. — Иду, иду! — крикнула она матери.

Она никогда не могла понять, откуда мать все время знает, что делают остальные жители дома. «Наверное, она расставила жучки по всем комнатам», — хмуро решила Сара. Она знала, что на самом деле это не так, но мрачные мысли уже разбушевались у нее в голове, и остановить их, казалось, было невозможно.

«Нужно перестать пить перед сном. А лучше вообще ничего не пить с полудня. Тогда, когда я проснусь, можно будет лежать в постели и думать, и быть совсем-совсем одной — и никто не будет знать, что я проснулась».

Интересно, в каком возрасте люди перестают получать удовольствие от собственных мыслей? Это точно случается, потому что все остальные никогда не остаются в тишине. Они не могут слушать свои собственные мысли, потому что всегда разговаривают или смотрят телевизор, а когда садятся в машину, то первым делом включают радио. Похоже, никому не нравится оставаться в одиночестве. Они все время хотят быть с кем-то еще. Они хотят ходить на встречи, или в кино, или на танцы, или играть в мяч. Хотела бы я накрыть всех одеялом тишины, чтобы хотя бы иногда послушать, как я думаю. Интересно, вообще так бывает — что ты не спишь, но тебя при этом не бомбардирует чужой шум?

Я организую клуб. «Люди против чужого шума». Требования к членам клуба: другие люди могут тебе нравиться, но тебе не нужно с ними разговаривать.

Тебе может нравиться на них смотреть, но не нужно объяснять другим, что ты видел. Ты должен любить оставаться иногда наедине с собой, чтобы просто подумать. Вполне нормально стремиться помогать другим, но ты должен быть готов свести помощь к минимуму, потому что это ловушка, в которую ты обязательно попадешься. Если ты слишком стремишься помогать, все кончено. Они захватят тебя своими идеями, и у тебя не останется времени для себя. Ты должен быть готов замереть и наблюдать за другими так, чтобы они тебя не заметили.

Интересно, захочет ли кто-нибудь, кроме меня, вступить в мой клуб? Нет, это все испортит! Мой клуб посвящен тому, чтобы не нуждаться ни в каких клубах! Просто моя жизнь достаточно важна, достаточно интересна и увлекательна, и мне никто больше не нужен».

— Сара!

Вздвогнув, Сара обнаружила, что стоит в ванной, уставившись в зеркало, и вяло водит зубной щеткой во рту.

— Ты весь день там собралась сидеть? Поторапливайся! У нас много дел!

Глава 2

— Сара, ты что-то хотела сказать?

Сара подскочила и поняла, что мистер Йоргенсен назвал ее имя.

— Да, сэр. То есть, о чем, сэр? — запинаясь, проговорила Сара, пока остальные двадцать семь ее одноклассников хихикали.

Сара никогда не понимала, почему они испытывают такой восторг от чужого унижения, но возможности насладиться им они никогда не упускали, хохоча так, как будто действительно произошло что-то смешное. «Что смешного в том, что кому-то плохо?» Сара совершенно не могла найти ответ на этот вопрос, но сейчас все равно было неподходящее время для

размышлений, потому что мистер Йоргенсен по прежнему держал ее в центре всеобщего внимания к ее неловкости, а одноклассники наблюдали за ней с откровенным злорадством.

— Ты можешь ответить на вопрос, Сара?

Снова смех.

— Встань, Сара, и дай нам наконец ответ.

«Почему он так поступает? Неужели это так важно?»

По классу поднялось пять или шесть рук — одноклассники Сары решили показать себя и заодно добавить себе удовольствия, заставив Сару выглядеть еще хуже.

— Нет, сэр, — прошептала Сара, опускаясь обратно за парту.

— Что ты сказала, Сара? — рявкнул учитель.

Я сказала: нет, сэр, я не знаю ответа на вопрос, — проговорила Сара немного громче. Но мистер Йоргенсен еще не закончил с ней — пока.

— А сам вопрос ты знаешь, Сара?

Ее щеки вспыхнули от стыда. Она не имела ни малейшего представления, о чем вообще был вопрос. Она была погружена в свои мысли, совершенно уйдя в свой внутренний мир.

— Сара, могу я дать тебе совет?

Она не подняла глаз, зная, что ее разрешение мистеру Йоргенсену не требуется.

— Я советую вам, юная леди, проводить больше времени, размышляя о тех важных вопросах, которые обсуждают в классе, и меньше — глядя в окно и предаваясь бессмысленным ненужным грезам. Постарайтесь что-нибудь вложить в свою пустую голову.

Снова смех в классе.

«Этот урок когда-нибудь закончится?»

И тут наконец зазвенел звонок.

Сара медленно шла домой, следя, как ее красные ботинки утопают в белом снегу. Она была благодарна за снегопад. Благодарна за тишину. Благодарна за возможность уединиться в своем собственном разуме на время двухмильной прогулки домой.

Она обратила внимание, что вода под мостом Мэйнстрит почти полностью покрылась льдом, и подумала, не попробовать ли спуститься по берегу и посмотреть, насколько слой льда толстый, но решила отложить это на другой день. Она видела, как подо льдом течет вода, и улыбнулась, пытаясь представить, сколько лиц отражала река за многие годы. Этот мост через реку был у Сары любимым участком дороги домой. Здесь всегда происходило что-нибудь интересное.

Уже перейдя мост, Сара впервые посмотрела на дорогу с тех пор, как вышла со школьного двора, и ощутила легкий укол грусти, потому что до завершения ее прогулки в тишине и одиночестве оставалось всего два квартала. Она замедлила шаг, чтобы растянуть заново обретенный покой, а затем немного вернулась, чтобы еще раз посмотреть на мост.

— Ну ладно, — тихо вздохнула она, выходя на гравийную дорожку, которая вела к ее дому. Она остановилась на ступеньках, чтобы сбить большой кусок льда: сначала расшатала его

носком ботинка, а потом спихнула в сугроб. Затем она сняла мокрые ботинки и вошла в дом.

Тихо закрыв дверь и повесив тяжелое мокрое пальто на вешалку, Сара старалась производить как можно меньше шума. Она, в отличие от других членов семьи, никогда не выкрикивала громко: «Я дома!»

«Хотела бы я быть отшельником, — заключила она, проходя через гостиную в кухню. — Спокойным, счастливым отшельником, который думает, разговаривает или не разговаривает, и сам выбирает, что делать со своим временем. Да!»

Глава 3

Единственное, что понимала Сара, лежа перед своим школьным шкафчиком на грязном полу, — то, что у нее очень, очень болит локоть.

Падение всегда вызывает шок. Оно происходит так быстро. Вот ты находишься в вертикальном положении и быстро-быстро двигаешься, исполненная намерения оказаться за своей партой, когда прозвонит звонок, — а вот ты уже лежишь на спине, не в силах шевельнуться. ошеломленная и с ноющим локтем. А самое ужасное — упасть вот так в школе, где все тебя видят.

Сара посмотрела на море злорадных лиц, которые ухмылялись, хихикали или смеялись вслух. «Когда с ними такое случается, они себя так не ведут».

Когда они поняли, что ничего более интересного не предвидится — ни сломанных костей и кровавых ран, ни конвульсий страдающей жертвы, — толпа рассеялась, и мерзкие одноклассники Сары забыли о ней, отправляясь на урок.

К Саре протянулась рука; ее подхватили, усаживая, и девчоночий голос спросил:

— Ты в порядке? Хочешь встать?

«Нет, — подумала Сара. — Я хочу исчезнуть». Но, поскольку это было маловероятно, а толпа уже практически рассосалась, Сара слабо улыбнулась, и Эллен помогла ей подняться на ноги.

Сара никогда раньше не разговаривала с Эллен, но видела ее в школьных коридорах. Эллен училась на два класса старше, а в этой школе была всего с год.

Сара почти ничего не знала про Эллен, но в этом не было ничего необычного. Старшие ребята никогда не общались с младшими. Это запрещали своего рода неписанные правила. Но Эллен всегда легко улыбалась, и, хотя казалось, что друзей у нее немного и большую часть времени она проводила сама по себе, выглядела она совершенно счастливой. Может быть, именно поэтому Сара обратила на нее внимание. Сара тоже была одиночкой. Ей это нравилось.

— Этот пол всегда скользкий, когда на улице сыро, — сказала Эллен. — Удивительно, что здесь падает так мало народа.

Все еще несколько оглушенная и сконфуженная до немоты, Сара не вникала в слова Эллен, но что-то в них заставило ее почувствовать себя намного лучше.

Сару несколько встревожило то, что на нее так влияет другой человек. Она редко отдавала

большее предпочтение чужим словам, чем тихому убежищу собственных мыслей. Ощущалось это странно.

— Спасибо, — пробормотала Сара, пытаясь отряхнуть грязь с испачканной юбки.

— Я думаю, когда подсохнет, будет выглядеть не так плохо, — сказала Эллен.

И снова дело было не в том, что именно сказала Эллен. Обычные слова, какие слышишь каждый день, но было в них что-то еще. Что-то в том, как она их произнесла.

Спокойный чистый голос Эллен, казалось, избавлял Сару от владевшего ею ощущения трагедии и травмы, и ее жуткое смущение практически рассеялось, так что она чувствовала себя лучше и сильнее.

— О, да ничего, — ответила она. — Нам лучше поторопиться, а то опоздаем.

Садясь на место — локоть болит, одежда грязная, шнурки развязались, а тонкие русые волосы свисают на глаза, — Сара чувствовала себя за партой лучше, чем когда-либо. Нелогично, но правда.

Прогулка из школы домой в этот день тоже была необычной. Вместо того чтобы погрузиться в собственные мысли, не обращая внимания ни на что, кроме узкой дорожки на снегу, Сара была бодра и оживлена. Ей хотелось петь. Так она и сделала. Напевая знакомую мелодию, она радостно шагала по тропинке, глядя на других людей, идущих по городку.

Проходя мимо единственного на весь город ресторана, Сара задумалась: а не перекусить ли ей после школы. Часто пончик с глазурью, или рожок с мороженым, или пакет картофельных чипсов отлично отвлекали ее от долгого утомительного дня, проведенного в школе.

«Я еще ничего не потратила из карманных денег этой недели», — думала Сара, стоя в размышлениях перед небольшим кафе. Но в итоге решила все же ничего не покупать, вспомнив слова, которые постоянно повторяла мама: «Не порть себе аппетит».

Сара никогда не понимала, что это значит, потому что всегда была готова съесть то, что ей предлагают, если еда вкусная. И только если еда выглядела невкусной или особенно если она невкусно пахла, Сара находила отговорки, чтобы не есть ее или, по крайней мере, есть немного. «По-моему, в таком случае аппетит мне портит тот, кто готовил». Сара усмехнулась, снова шагая домой. Сегодня ей на самом деле ничего и не было нужно — в ее мире все было хорошо.

Глава 4

Сара остановилась на мосту Мэйнстрит посмотреть вниз, на лед — достаточно ли он толстый, чтобы по нему можно было ходить. Она заметила несколько птиц, которые стояли на льду, и довольно крупные собачьи следы на покрывающем его снегу, но сомневалась в том, что лед выдержит ее вес; да еще на ней тяжелое пальто, ботинки и массивная сумка с книгами. «Лучше подождать», — решила Сара, глядя на застывшую реку.

Так, наклоняясь надо льдом, опираясь на ржавые перила, которые, по мнению Сары, поставили здесь исключительно для ее удовольствия, она чувствовала себя замечательно впервые за долгое время и поэтому решила задержаться и полюбоваться рекой. Это было самое ее любимое место в мире. Бросив сумку себе под ноги, она еще сильнее навалилась на перила.

Отдыхая и наслаждаясь видом, Сара с улыбкой вспоминала день, когда обычные старые перила превратились в идеально подходящие для того, чтобы на них опираться: в этот день в них врезался фургон с сеном, потому что его хозяин, мистер Джексон, ударил по тормозам на мокрой обледенелой дороге, чтобы не сбить Харви, таксу миссис Петерсон. Потом в городе все месяцами только и говорили о том, как ему повезло, что он со своим фургоном не загремел прямо в реку. Сару все время удивляло то, как люди «раздувают» события больше и страшнее, чем было на самом деле. Если бы фургон мистера Джексона загремел в реку, тогда было бы совсем другое дело. Это бы оправдывало то, какую шумиху из-за него раздули. Или если бы он загремел в реку и утонул — тогда повод для разговоров был бы еще веселее. Но в реку-то он не упал.

Насколько понимала Сара, вреда в той ситуации вообще не было. Фургон не поврежден. Мистер Джексон не ранен. Харви перепугался и несколько дней оставался дома, но ничего серьезного с ним не случилось. «Людам нравится волноваться», — заключила Сара. Но она была в восторге, когда нашла новое место, где можно облакачиваться на перила. Большие толстые стальные прутья теперь выгибались, нависая над водой. Прекрасное место, как будто специально сделанное для Сары.

Наклонившись над водой и глядя вниз, Сара видела ствол упавшего дерева, вытянувшийся над рекой, и это тоже вызвало у нее улыбку. Он появился после другого «несчастливого случая», который оказался для нее очень кстати.

Одно из больших деревьев, росших вдоль берега, сильно пострадало во время грозы. Поэтому фермер, владевший этой землей, собрал несколько добровольцев по городу, и они срезали с дерева все ветки, собираясь его срубить. Сара не понимала, почему это вызывает столько шума и возбуждения. Просто старое дерево.

Ее отец не позволял ей подходить достаточно близко, чтобы послушать, что там говорят, но Сара услышала, как кто-то упомянул, будто бы они волновались из-за того, что провода оказываются слишком близко. Однако после этого снова заревели пилы, и больше ничего слышно не было; так что Сара стояла себе в сторонке, как и почти все жители города, наблюдая за грандиозным событием.

Внезапно пилы замолчали, и в тишине кто-то крикнул: «О нет!» Сара помнила, как зажмурилась и заткнула уши. Как будто весь город содрогнулся, когда упало большое дерево, но когда Сара открыла глаза, то завизжала от восторга, едва увидев новый прекрасный мост из бревна, соединившего тропинки по обоим берегам реки.

Устроившись в своем металлическом гнездышке, прямо над водой, Сара глубоко вздохнула, желая вобрать в себя восхитительный речной воздух. Он действовал гипнотически. Ароматы, постоянный равномерный звук воды. «Я люблю реку», — подумала Сара, все так же глядя на старое бревно, пересекавшее воду ниже по течению.

Саре нравилось переходить по бревну, вытянув руки для равновесия и двигаясь как можно быстрее. Она никогда не боялась, но всегда помнила, что малейший неверный шаг — и она окажется в реке. И каждый раз, переходя по бревну, она мысленно слышала тревожные, неуютные слова матери: «Сара, держись подальше от реки! Ты можешь утонуть!»

Но Сара не особенно обращала внимание на эти слова, по крайней мере, теперь, потому что знала нечто, что не было известно ее маме. Сара знала, что не может утонуть.

Расслабившись и ощущая единство со всем миром, Сара лежала в своем гнездышке и вспоминала, что случилось на этом самом бревне позапрошлым летом. Вечерело, и все дела Сара уже переделала, поэтому отправилась к реке. Некоторое время она посидела в металлическом гнезде, а потом спустилась по тропинке к бревну. Река, набухшая от растаявшего снега, поднялась выше обычного, и вода перехлестывала через бревно. Сара

долго решала, стоит ли переходить по нему. Но потом, повинувшись странному капризу, вызвавшему всплеск энтузиазма, она решила пройтись по ненадежному мосту из бревна. Добравшись почти до середины, она остановилась и повернулась вбок, лицом вниз по течению, покачиваясь вперед-назад, чтобы удержать равновесие и собраться с духом. И тут, откуда ни возьмись, появилась паршивая дворняжка Питтсфилдов, Фаззи: проскакала по мосту и радостно поприветствовала Сару, прыгнув на нее с такой силой, что Сара рухнула в быстро бегущую реку.

«Ну вот, — подумала Сара. — Как мама меня и предупреждала, я сейчас утону!» Но все происходило слишком быстро, чтобы она успела всерьез об этом задуматься. Потому что Сара, стремительно плывущая вниз по течению на спине, глядя вверх, обнаружила, что это самое увлекательное и прекрасное путешествие и ее окружают самые замечательные пейзажи, которые она когда-либо видела.

Она сотни раз ходила по этим берегам, но с такой точки зрения они выглядели совсем иначе. Мягко двигаясь на удобной водяной подушке, она видела над собой синее небо, обрамленное деревьями идеальной формы, то густыми, то редкими, то толстыми, то тонкими. Сколько разных потрясающих оттенков зеленого!

Сара не замечала, что вода очень холодна: наоборот, ей казалось, что она летит на волшебном ковре — плавно, ровно и безопасно.

Неожиданно стало как будто темнее. Когда Сара вплыла под густые кроны деревьев, росших вдоль берега, она уже практически не могла разглядеть небо.

— Какие красивые деревья! — сказала Сара вслух. Она никогда не уходила так далеко вниз по течению. Деревья были пышными и прекрасными, и несколько ветвей спускались к самой воде.

А затем длинная, дружелюбная, надежная ветка как будто потянулась прямо к реке, чтобы помочь Саре выбраться.

— Спасибо, дерево. — сказала Сара вежливо, вылезая из реки. — Это было очень мило с твоей стороны.

Она стояла на берегу реки, ошеломленная, но в приподнятом настроении, и пыталась собраться с мыслями.

«Вот это да!» — пробормотала Сара, разглядев большой красный сарай Петерсонов. Она едва могла поверить своим глазам. Хотя ей показалось, что прошла всего пара минут, она проплыла пять миль по пастбищам и участкам. Но долгая дорога домой совершенно ее не огорчала. Полная энтузиазма и радости жизни, Сара вприпрыжку отправилась в путь.

Дома, поспешно выбравшись из грязной мокрой одежды, она засунула ее в стиральную машину и забралась в теплую ванну. «Незачем давать маме лишние поводы для волнений, — подумала она. — Так она только лишний раз станет переживать».

Пока всевозможные речные насекомые, листья и грязь вымывались из ее волос, Сара лежала в теплой воде, улыбаясь и зная совершенно точно, что ее мама ошибалась. Она никогда не утонет.

Глава 5

— Сара, подожди!

Сара остановилась посреди перекрестка и подождала, пока ее догонит младший брат.

— Ты должна пойти посмотреть, это очень круто!

«Уж наверняка», — подумала Сара, вспомнив последние несколько «крутых» вещей, которые демонстрировал ей Джейсон. Один раз это была амбарная крыса, которую он поймал в самодельную мышеловку и которая, по его уверениям, «была еще жива, когда я проверял в последний раз». Дважды он заставлял Сару врасплох и уговаривал ее заглянуть в его сумку, где обнаруживалась невинная птичка или мышка, ставшая жертвой Джейсона и его противных приятелей, обрадовавшихся возможности опробовать оружие бригады мальчиков, полученное на Рождество.

«Что это с мальчишками? — размышляла Сара, поджидая Джейсона: он увидел, что она никуда не уходит, и перешел на усталый шаг. — Как они могут получать удовольствие от того, что причиняют боль несчастным беззащитным зверюшкам? Хотела бы я поймать их в ловушку и посмотреть, как им это понравится. Я еще помню, что раньше проделки Джейсона были не такими жестокими, иногда даже смешными; но теперь он становится все злее и подлее».

Сара стояла посреди тихой проселочной дороги, дожидаясь, пока брат ее нагонит. Она подавила улыбку, вспомнив, какую хитрость устроил однажды Джейсон: он опустил голову на парту, закрыв блестящую резиновую имитацию рвоты, а когда учительница подошла к нему, поднял голову и посмотрел на нее огромными карими глазами. Миссис Джонсон вылетела из комнаты и побежала за уборщицей, чтобы та вытерла парту, но когда вернулась, Джейсон сказал, что сам все убрал, и миссис Джонсон была настолько рада, что не стала задавать вопросов. Джейсону разрешили уйти домой.

Сару поразило то, как легко провести миссис Джонсон; она даже не задумалась, почему рвота, на вид свежая и жидкая, не стекала по сильно наклоненной парте. Но с другой стороны, у миссис Джонсон было не так много опыта общения с Джейсоном, как у Сары. Во времена былой наивности он регулярно умудрялся обхитрить ее, но не теперь. При брате Сара была начеку.

— Сара! — крикнул Джейсон, возбужденный и взволнованный. Она сделала шаг назад.

— Джейсон, кричать необязательно, я стою прямо перед тобой.

— Извини, — Джейсон ловил ртом воздух, пытаясь выровнять дыхание. — Идем! Соломон вернулся!

— Кто такой Соломон? — спросила Сара и немедленно пожалела об этом вопросе: она не хотела показывать ни капли интереса к тому, о чем говорил Джейсон.

— Соломон! Ну, Соломон. Огромная птица с Такерс-Трейл!

— Я никогда не слышала об огромной птице с Такерс-Трейл, — сообщила Сара голосом, исполненным такой скукой, какую она только могла изобразить без подготовки. — Джейсон, меня не интересуют твои дурацкие птицы.

— Это не дурацкая птица, Сара, а гигантская! Ты должна ее видеть. Билли говорит, она больше, чем машина его отца. Сара, пойдем, пожалуйста.

— Джейсон, птица не может быть больше машины.

— Может! Спроси папу Билли! Однажды он ехал домой и говорит, что увидел тень, такую

огромную, что подумал, что над ним пролетел самолет. Она накрыла машину целиком. Но это был не самолет, Сара, а Соломон!

Сара вынуждена была признать, что восторги Джейсона по поводу Соломона начали понемногу передаваться и ей.

— Я схожу в другой раз, Джейсон. Мне нужно домой.

— Сара, пойдем, ну, пожалуйста! Соломона там может больше не оказаться. Ты просто обязана пойти!

Настойчивость Джейсона начинала тревожить Сару. Обычно он не был таким упертым. Когда он сталкивался с силой воли Сары, то просто сдавался, отвязывался и дожидался другого случая захватить ее врасплох. Он научился по опыту, что чем больше он уговаривал сестру сделать что-то, что она делать не хотела, тем сильнее Сара упиралась. Но в этот раз все было иначе. Джейсон выглядел убежденным — таким Сара его еще не видела, и поэтому, к бесконечному удивлению и удовольствию брата, она поддалась на уговоры.

— Ну ладно, Джейсон. Где твоя гигантская птица?

— Его зовут Соломон.

— Откуда ты знаешь, как его зовут?

— Его так называл отец Билли. Он говорит, что это сова. А совы мудрые. Поэтому его должны звать Соломон.

Сара пыталась подстроиться под шаг Джейсона. «Он действительно вне себя из-за этой птицы, — подумала она. — Странно».

— Он где-то здесь, — сказал Джейсон. — Он тут живет.

Сару часто забавляла напускная уверенность Джейсона, которая появлялась, когда он на самом деле не знал, о чем говорит. Но чаще всего Сара ему подыгрывала, делая вид, что не заметила обмана. Так было проще.

Они вглядывались в почти безлистые заросли, покрытые снегом. Они прошли мимо разваливающегося забора, ступая по узенькой тропинке в снегу, оставшейся, вероятно, после того, как незадолго до них тут пробежала одинокая собака...

Сара почти никогда не ходила здесь зимой. Это место было в стороне от ее обычной дороги между домом и школой. Однако именно здесь Сара проводила множество блаженных летних часов. Она шла, замечая все знакомые уголки и трещинки и радуясь тому, что снова пришла на привычную тропинку. «Самое лучшее в этой дороге, — думала Сара, — что здесь хожу практически я одна. Никаких машин и соседей. Тихая, спокойная дорога. Надо чаще по ней ходить».

— Соломон! — прозвенел голос Джейсона, напугав Сару. Она не ожидала, что брат заорет.

— Джейсон, не кричи на Соломона. Если он и здесь, он улетит, если ты будешь так орать.

— Он здесь, Сара. Я же говорю, он тут живет. А если б он улетел, мы бы его увидели. Он действительно большой, Сара, правда-правда!

Сара и Джейсон заходили все дальше в чащу, проскочив под ржавой проволокой — остатками старого забора. Они шли медленно, осторожно выбирая, куда ступить, не уверенные в том, на что могут наткнуться под снегом, в который проваливались по колено.

— Джейсон, мне холодно.

— Еще чуть-чуть, Сара. Пожалуйста!

Больше из-за собственного любопытства, чем из-за уговоров Джейсона, Сара согласилась.

— Ладно, еще пять минут!

Сара завизжала, провалившись по пояс в оросительный канал, засыпанный снегом. Холодный мокрый снег пробрался под ее пальто и блузку и коснулся голой кожи.

— Ну все, Джейсон! Я иду домой.

Джейсон расстроился из-за того, что они не нашли Соломона, но раздражение Сары его от этого отвлекало. Мало что доставляло ему такое удовольствие, как раздражение сестры. Джейсон хохотал, пока Сара вытряхивала мокрый снег из-под одежды.

— Ты думаешь, это смешно, Джейсон? Ты, наверное, выдумал этого своего Соломона, чтобы завести меня сюда и разозлить!

Джейсон засмеялся и побежал от Сары прочь. Хотя он и наслаждался ее раздражением, но ему хватало ума держаться на безопасном расстоянии.

— Нет, Сара, Соломон настоящий. Вот увидишь!

— Так я тебе и поверила, — огрызнулась Сара. Но откуда-то она знала, что Джейсон говорит правду.

Глава 6

Сара не могла припомнить времена, когда ей легко удавалось сосредоточиться на происходящем в классе. «Школа и впрямь самое скучное место в мире», — решила она давным-давно. Но этот день был самым тяжелым из всех, которые ей выпадали. Сара никак не могла сосредоточиться на том, что говорил учитель. Ее мысли все время уплывали к роще. И как только прозвенел последний звонок, Сара засунула сумку с книгами в шкафчик и отправилась прямо туда.

— Наверное, я сошла с ума, — бормотала она себе, заходя все глубже и глубже в чащу и оставляя за собой след в глубоком снегу. — Я ищу дурацкую птицу, которая, наверное, и не существует вовсе. Ладно, если я ее немедленно не увижу — я возвращаюсь. Не хочу, чтобы Джейсон узнал, что я сюда ходила, или что меня вообще интересует эта птица.

Сара остановилась и прислушалась. Вокруг было так тихо, что она слышала собственное дыхание. Но ни одного живого существа не было видно. Ни птицы, ни белки. Ничего. На самом деле, если бы не следы, которые оставили вчера Сара, Джейсон и собака, можно было бы подумать, что Сара осталась одна-одинешенька на всей планете.

Это был прекрасный зимний день. Солнце сияло ярко, и блестела корочка на снегу, мокрая и медленно тающая. Все вокруг сверкало. Обычно в такой день у Сары пело сердце. Что может быть лучше, чем оказаться вдали от других, наедине со своими мыслями, да еще в такой день? Но Сара чувствовала раздражение. Она надеялась, что Соломона будет легко найти.

Почему-то размышления о роще и загадочной птице вызывали у нее интерес, но сейчас, когда Сара стояла посреди леса одна, по колено в снегу, она начинала чувствовать себя глупо.

— Ну, где эта птица? Да ну ее! Я иду домой.

Сердитая, Сара стояла посреди рощи, ощущая злость и смущение. Она начала выбираться из чащи по своим следам, так же как сюда пришла, но потом остановилась и задумалась: не будет ли быстрее пройти по полю, по которому она часто срезала дорогу летом? «Уверена, река уже замерзла. Может быть, я смогу ее перейти в каком-нибудь узком месте», — подумала Сара, подныривая под забор, состоящий из одной проволоки.

Ее поражало то, как легко она теряла направление зимой. Она проходила по этому полю сто раз. На этом поле ее дядя пас летом лошадей, но все выглядело совсем незнакомым теперь, когда все знакомые ориентиры оказались погребены под снегом. Река здесь полностью замерзла и была покрыта несколькими дюймами снега. Сара остановилась, пытаясь вспомнить, где находится самое узкое место. И тут она почувствовала, как лед прогибается под ее ногами... и, не успев опомниться, она уже лежала на спине на очень ненадежном льду, а в одежду впитывалась холодная вода. Саре вспомнилась потрясающая прогулка, которую устроила ей река, и на секунду ее захлестнула настоящая паника — она представила повторение этой прогулки, но в ледяной воде, в которой ее ожидает смерть от холода.

— Ты что, забыла, что не можешь утонуть? — поинтересовался добрый голос у Сары в голове.

— Кто здесь? — спросила Сара, озираясь и вглядываясь в голые деревья; она щурилась из-за солнца, которое сверкало и отражалось от снега, покрывавшего все вокруг. «Кто бы ты ни был, почему бы тебе не помочь мне?» — подумала Сара, лежа на трескающемся льду; она боялась, что от любого движения он проломится.

— Лед тебя удержит. Просто перекались на колени и ползи сюда, — сказал ее таинственный друг.

Послушавшись, Сара перекатилась на живот и медленно-медленно поднялась на колени. А потом поползла в направлении голоса.

Сара была не в настроении разговаривать. Не сейчас. Она промокла, и ей было очень холодно, а кроме того, она злилась на себя за то, что сделала такую глупость. Больше всего ей сейчас хотелось добраться домой и переодеться прежде, чем вернутся остальные и застукуют ее в промокшей одежде.

— Мне пора идти, — сказала Сара, щурясь на солнце в сторону того, с кем она говорила.

Она принялась искать дорогу по собственным следам, ужасно замерзшая и злая на себя за решение перейти дурацкую реку. И тут ее осенило:

— Эй, а откуда ты знаешь, что я не могу утонуть?

Ей никто не ответил.

— Куда ты делся? Эй, где ты? — позвала Сара.

И с вершины дерева слетела самая большая птица, которую Сара когда-либо видела; она взмыла высоко в небо, сделала круг над рощей и полями и исчезла в солнечном сиянии.

Сара стояла, пораженная, и щурилась на солнце.

Глава 7

Проснувшись на следующее утро, Сара, как обычно, нырнула обратно под одеяло, собираясь с духом перед началом нового дня. И тут она вспомнила про Соломона.

«Соломон, — подумала Сара, — я тебя действительно видела, или ты мне приснился?»

Но потом Сара вспомнила, как пошла в рощу после школы специально, чтобы найти Соломона, и как лед подался под ее ногами. «Нет, Соломон, ты мне не приснился. Джейсон был прав. Ты настоящий».

Сара поморщилась, представив, как Джейсон и Билли с воплями ломаются через чащу, разыскивая Соломона. А затем ее охватило тяжелое, беспокойное чувство, которое возникало каждый раз, когда Джейсон врывается в ее жизнь. «Я не расскажу Джейсону, что видела Соломона. Никому не расскажу. Это мой секрет». Сара целый день старалась внимательно слушать учителя. Но ее мысли то и дело возвращались к сверкающей роще и гигантской волшебной птице. «Соломон действительно со мной разговаривал? — размышляла Сара. — Или я это просто вообразила? Может быть, меня оглушило падением. Может, я была без сознания, и мне все это приснилось. Или это и вправду произошло?»

Сара не могла дождаться, когда же наконец пойдет в рощу снова, чтобы проверить, действительно ли Соломон настоящий.

Когда прозвенел последний звонок, Сара остановилась у своего шкафчика, чтобы избавиться от учебников, а потом захихнула туда же и сумку. Это был, наверное, второй день за всю ее школьную жизнь, когда Сара не тащила все свои книги домой. Она обнаружила, что набитая учебниками сумка надежно защищает ее от назойливых одноклассников. Она образовывала своеобразный барьер, который заставлял приставучих ребят держаться подальше. Но сегодня Сара избавилась от всего, что могло ее задержать. Она выскочила из дверей школы, как пуля, направляясь прямо к Такерс-Трейл.

Свернув с мощеной улицы на тропинку, Сара увидела очень большого филина, который сидел на виду, на верхушке столба в заборе. Он как будто поджидал Сару. Сара удивилась, что так легко нашла Соломона. Она потратила столько времени на поиски неуловимой таинственной птицы, а теперь — вот он, просто сидит перед ней, как будто всегда так сидел.

Сара не знала, как к нему обратиться. «Что мне делать? — думала она. — Странно будет просто подойти к филину и сказать: «Привет, как дела?»»

— Привет, как дела? — сказал Саре филин. Сара отпрыгнула. Соломон расхохотался.

— Я не хотел пугать тебя, Сара. так как у тебя дела?

— Хорошо, спасибо. Я просто не привыкла разговаривать с филинами.

— О, очень жаль, — заметил Соломон. — Среди моих ближайших друзей есть филины.

Сара засмеялась.

— Соломон, ты забавный.

— Соломон, говоришь? — сказал филин. — Соломон хорошее имя. Да, мне оно нравится.

Сара покраснела от смущения. Она забыла, что они не представлялись друг другу. Джейсон сказал Саре, что филина назвали Соломон. Но это имя выбрал отец Билли.

— Ой, извини, пожалуйста, — сказала Сара. — Я должна была спросить, как тебя зовут.

— Честно говоря, я никогда об этом не думал, — сказал Соломон. — Однако Соломон — хорошее имя. Мне оно действительно нравится.

— Что значит — ты никогда об этом не думал? Разве у тебя нет имени?

— Вообще-то нет, — ответил Соломон. Сара не могла поверить услышанному.

— Как может такое быть, что у тебя нет имени?

— Видишь ли, Сара, только людям нужно наклеивать ярлыки на вещи. Все остальные просто знают, кто они такие, и ярлыки для них не так важны. Но мне правда нравится имя Соломон. А поскольку ты привыкла обращаться к окружающим по именам, это прекрасно мне подойдет. Да, оно мне нравится. Пусть будет Соломон. Соломон выглядел настолько довольным своим новым именем, что смущение Сары развеялось. С именем или без, но с этой птицей было приятно поговорить.

— Соломон, нужно ли мне рассказывать кому-нибудь про тебя?

— Возможно. Со временем..

— А пока что лучше держать это в секрете?

— Да, пока что так будет лучше. Пока ты не придумаешь, что сказать.

— Ну да, наверное, это прозвучит глупо: «У меня есть друг, это филин, он разговаривает со мной, не шевеля губами».

— Позволю себе разумно заметить, Сара, что у птиц нет губ.

Сара засмеялась. Соломон был очень забавен.

— Ну, Соломон, ты же понимаешь, о чем я. Как ты разговариваешь, не пользуясь ртом? И почему никто мне про тебя не рассказывал?

— Никто, кроме тебя, меня не слышал. Ты слышишь не звук моего голоса, Сара, а мои мысли.

— Не понимаю. Я же тебя слышу!

— Тебе кажется, что ты меня слышишь; в общем-то, ты меня действительно слышишь, только не ушами. Не так, как ты слышишь других.

Сара намотала шарф вокруг шеи и натянула шапку на уши, словно вокруг задул холодный ветер.

— Скоро стемнеет. Ты можешь навестить меня завтра. Подумай о том, о чем мы говорили. Обрати внимание на то, что тебе сегодня приснится. Хотя твои глаза плотно закрыты, но сны ты видишь. Поэтому, раз тебе не нужны глаза, чтобы видеть, не нужны и уши, чтобы слышать.

Прежде чем Сара успела заметить, что сны отличаются от реальной жизни, Соломон сказал:

— До свидания, Сара. Прекрасный день, не правда ли?

И с этими словами он взмыл в воздух, несколькими взмахами могучих крыльев поднялся высоко над рощей, оставив внизу забор и свою подружку.

«Соломон, — подумала Сара, — ты просто огромен!»

Она вспомнила слова Джейсона: «Он гигантский, Сара, ты просто обязана на него посмотреть!» Шагая по снегу домой, она вспоминала, как он буквально тащил Сару в рощу, едва ли не искрясь от восторга, так что Саре трудно было за ним угнаться.

«Странно, — подумала Сара, — он так хотел, чтобы я посмотрела на огромную птицу, а теперь, три дня спустя, ни слова мне про нее не говорит. Удивительно, что они с Билли не сидят в роще целыми днями, разыскивая Соломона. Они как будто про него забыли. Не забыть бы мне и спросить об этом у Соломона завтра».

В следующие несколько дней Сара часто замечала, что думает: «Нужно спросить об этом Соломона». Она даже начала носить с собой блокнот, чтобы записывать темы, которые хотела обсудить.

Ей все время было не наговориться с Соломоном вдоволь. Крохотный отрезок времени между окончанием уроков и моментом, когда Саре нужно было отправляться домой, чтобы переделать все дела по дому прежде, чем вернется мама, оставлял на разговоры с филином не больше получаса.

«Так нечестно, — подумывала Сара. — Я весь день трачу на скучного учителя, который и на одну десятую не так умен, как Соломон, и всего полчаса — с самым умным учителем, который у меня когда-либо был. Ммм... учитель. У меня учитель-филин». От этой мысли Сара рассмеялась вслух.

«Нужно спросить об этом Соломона».

Глава 8

— Соломон, ты учитель?

— Да, Сара, верно.

— Но ты не говоришь о том, о чем говорят настоящие — то есть, извини, другие учителя. Ты говоришь о том, что мне интересно.

— Вообще-то, Сара, я говорю только о том, о чем говоришь ты. Информация, которую я могу предложить, представляет для тебя ценность только тогда, когда ты о ней спрашиваешь. Все ответы на незаданные вопросы на самом деле — пустая трата времени. Ни ученику, ни учителю они на пользу не идут.

Сара подумала о том, что сказал Соломон, и поняла, что если она не задавала вопросов, Соломон и не говорил ни о чем.

— Но подожди-ка, Соломон. Я помню, как ты сказал мне одну вещь, хотя я не спрашивала.

— И что же я сказал, Сара?

— Ты сказал: «Ты что, забыла, что не можешь утонуть?» Это было первое, что ты мне сказал.

Я тебе ни слова не говорила. Я лежала на льду и не задавала вопросов.

О, похоже, не только Соломон умеет разговаривать, не двигая губами.

— О чем ты? Ты спрашивала, Сара, но не словами. Вопросы не всегда задают словами.

— Странные вещи ты говоришь, Соломон. Как можно задать вопрос, не разговаривая?

— Его можно подумать. Многие существа общаются посредством мыслей. Вообще-то больше, чем словами. Слова используют только люди. Но даже они гораздо чаще общаются мыслями, чем. словами. Подумай об этом. Видишь ли, Сара, я — муууууууудрый старый учитель, который давным-давно понял, что-хо-хо-хо давать ученику информацию, о которой он не просит, — пустая трата времени.

Сара рассмеялась над тем, как Соломон растягивает слово «мудрый» и как он по-совиному ухает на «что». «Обожаю эту чокнутую птицу», — подумала она.

— Я тоже тебя люблю, Сара, — ответил Соломон. Сара покраснела: она совершенно забыла, что Соломон может слышать ее мысли.

А Соломон, не говоря больше ни слова, взмыл в небо и исчез из виду.

Глава 9

— Хотела бы я летать, как ты, Соломон.

— Почему, Сара? Почему ты хочешь летать?

— Ну, это же так скучно — все время ходить ногами. Медленно. Ты добираться до нужного места целую вечность и мало что видишь по дороге. Только то, что находится на земле, как и ты. Скучно.

— Сара, ты не ответила на мой вопрос.

— Я ответила, Соломон. Я сказала, что хочу летать, потому что...

— Потому что тебе не нравится ходить по скучной земле. Видишь ли, Сара, ты не сказала мне, почему ты хочешь летать, — ты сказала, почему ты не хочешь не летать.

— Какая разница?

— Разница есть, и большая.

Немного удивленная тем, что Соломон вдруг решил придраться к мелочам, Сара начала сначала:

— Ладно. Я хочу летать, потому что ходить неинтересно, и при ходьбе уходит много времени на дорогу.

— Сара, ты видишь, что снова говоришь о том, чего ты не хочешь и почему не хочешь? Попробуй еще раз.

— Ладно. Я хочу летать, потому что... Не понимаю, Соломон. Что я должна сказать?

— Я хочу услышать, что ты хочешь, Сара.

— Я хочу летать! — крикнула Сара, сердитая на Соломона за то, что он никак не мог ее понять.

— А теперь расскажи мне, почему ты хочешь летать. На что это будет похоже? Как будет ощущаться? Сделай так, чтобы я это тоже ощутил. Опиши мне, как выглядит полет. Мне неинтересно, как это — ходить по земле, или каково не летать. Я хочу услышать, как это — летать.

Сара закрыла глаза, улавливая дух того, что хотел от нее Соломон, и начала говорить:

— Полет дает ощущение свободы. Как будто ты плывешь, только быстрее.

— Расскажи, что бы ты увидела, если бы летала?

— Я бы увидела весь город далеко внизу. Я увидела бы Мэйн-стрит, автомобили, людей. Увидела бы реку. Свою школу.

— Как ощущается полет, Сара? Опиши мне свои ощущения.

Сара помолчала, закрыв глаза и представляя, что она летит над городом.

— Это было бы так весело, Соломон! Полет обязательно должен быть веселым. Я могу лететь быстро, как ветер. Это свобода. Это так здорово, Соломон! — Сара продолжала рассказывать, уже полностью погруженная в свой воображаемый полет. А затем, внезапно, с тем же ощущением силы, которое угадывалось в крыльях Соломона, когда он взлетал со своего насеста, Сара почувствовала громкий шелест, от которого у нее перехватило дыхание. Ей показалось на мгновение, словно она весит тысячу килограммов, а в следующую секунду — как будто она невесома. Сара летела.

— Соломон, — закричала Сара с восторгом, — посмотри, я лечу!

Соломон летел рядом с ней, и вместе они взмыли высоко над городом — городом, в котором Сара родилась, в котором она обошла каждый сантиметр, и который она теперь рассматривала с точки, с которой и не мечтала его увидеть.

— Ух ты! Соломон, это здорово! О, Соломон, это так прекрасно!

Соломон улыбался и наслаждался восторгом Сары.

— Куда мы летим, Соломон?

— Ты можешь лететь, куда пожелаешь.

— Вот это да! — крикнула Сара, глядя вниз, на свой маленький тихий городок. Он никогда не казался ей таким красивым.

Сара однажды видела свой город с воздуха, когда ее дядя взял ее вместе со всей семьей покататься на своем маленьком самолете, но тогда она мало что могла разглядеть. Окна в самолете находились очень высоко, и каждый раз, когда она вставала на колени на сиденье, чтобы разглядеть все получше, отец говорил ей сесть обратно и пристегнуть ремень. Тогда ей на самом деле не понравилось летать.

Но в этот раз все было по-другому. Она все могла разглядеть. Она видела каждую улицу и каждый дом в городе. Она видела несколько маленьких контор, разбросанных вдоль Мэйн-стрит... «Бакалейная лавка Хойта», «Аптека Пита», почта... Она видела, как ее

обожаемая река течет по городу. И двигалось несколько машин, и шли люди...

— О, Соломон, — прошептала Сара, — это лучшее, что со мной происходило. Полетели к моей школе. Я покажу тебе, где провожу дни... — Голос Сары затих, когда она свернула к школе.

— Отсюда она выглядит совсем иначе! — Сара удивилась тому, какой большой казалась ее школа. Крыша у нее была как будто бесконечной. — Вот это да! Мы можем спуститься поближе, или нужно оставаться наверху?

— Ты можешь лететь, куда пожелаешь.

Сара снова завопила от восторга, спланировала над детской площадкой и медленно пролетела мимо окна своего класса.

— Как здорово! Смотри, Соломон! Вот моя парта, а это мистер Йоргенсен.

Сара и Соломон летали над городом из одного конца в другой, то спускаясь почти к самой земле, то взмывая высоко в небо, едва не касаясь облаков.

— Смотри, Соломон, это Джейсон и Билли. Эй, Джейсон, посмотри на меня, я лечу! — крикнула Сара. Но Джейсон не услышал. — Эй, Джейсон! — снова закричала она, еще громче. — Посмотри! Я лечу!

— Джейсон тебя услышит, Сара.

— Но почему? Я же его слышу.

— Для него еще рано. Он пока не задает вопросов. Но скоро задаст. В свое время.

Теперь Сара понимала, почему Джейсон и Билли до сих пор не увидели Соломона.

— Они и тебя не видят, да, Соломон?

Сара была рада, что Джейсон и Билли не видят Соломона. «Они бы обязательно нам помешали, если бы смогли».

Сара не могла припомнить ничего более прекрасного. Она парила высоко в небе, так высоко, что машины на Мэйн-стрит казались муравьями. А потом, как будто совсем без усилий, она спускалась вниз, очень близко к земле, визжа от потрясающей скорости полета. Она парила над рекой, так низко склоняясь к воде, что чувствовала сладковатый болотный запах; ныряла под мост Мэйн-стрит и взлетала с другой стороны. Соломон все время летел следом за ней, как будто они всегда так делали.

Они летали как будто целыми часами, а потом, с тем же громким шелестом, который поднял Сару с места, она снова оказалась в своем теле, на земле.

Сара была настолько возбуждена, что никак не могла перевести дыхание. Это было самое замечательное переживание в ее жизни.

— О, Соломон, это было прекрасно! — воскликнула Сара. Ей казалось, что полет продолжался много часов. — А сколько сейчас времени? — Она посмотрела на часы, уверенная, что попадет в неприятности из-за того, что так опаздывает; но, судя по часам, прошло всего несколько секунд.

— Соломон, ты живешь очень странной жизнью. Ничего не происходит так, как должно.

— Что ты имеешь в виду, Сара?

— Ну, например, мы облетели весь город, а времени прошло всего ничего. Разве это не странно? А то, что я вижу тебя и могу с тобой разговаривать, а Джейсон и Билли не могут. Тебе это странным не кажется?

— Если бы они достаточно сильно хотели, то тоже смогли бы, или если бы. Я хотел этого достаточно сильно, то мог бы повлиять на их желания.

— Что ты имеешь в виду?

— Именно их желание увидеть то, что они на самом деле не видели, привело тебя в мою рощу. Они стали очень важной связью, необходимой для нашей встречи.

— Ну да, наверное. — На самом деле Сара не хотела благодарить своего братца за эти необычные ощущения. Ей было гораздо проще позволить ему оставаться тем же бесполезным надоедой. Но Джейсон — ключ к ее радостным переживаниям? Пока что она не могла себе такого представить.

— Итак, Сара, расскажи мне, что ты сегодня узнала? — улыбнулся Соломон.

— Я узнала, что могу пролететь над всем городом, а время при этом будет стоять? — вопросительно начала Сара, думая, это ли хотел услышать Соломон. — Я узнала, что Джейсон и Билли не могут меня увидеть, когда я лечу, потому что они еще маленькие, или не готовы? Я узнала, что, когда ты летишь, совсем не холодно?

— Все это очень хорошо, и об этом мы можем поговорить позднее, но... Сара, ты заметила, что, пока ты говорила о том, чего не хочешь, ты не могла получить то, что хотела? А как только ты заговорила о том, чего действительно хочешь, — и, что важнее, когда ты начала чувствовать, что ты хочешь, — то немедленно получила желаемое?

Сара притихла, пытаясь вспомнить. Но было нелегко думать о том, что она думала и чувствовала перед полетом. Она предпочла бы думать о самом полете.

— Сара, думай об этом почаще и почаще тренируйся.

— Ты хочешь, чтобы я чаще летала? Конечно!

— Не просто летала. Я хочу, чтобы ты училась думать о том, чего хочешь, и думала о том, почему ты этого хочешь, — пока не сможешь по-настоящему это почувствовать. Это самое важное, что ты от меня узнала, Сара.

И с этими словами Соломон взлетел и был таков. «Это лучший день в моей жизни! — думала Сара. — Сегодня я научилась летать!»

Глава 10

— Эй, малыш, ты все еще писаешь в постель?

Сара смотрела, как они дразнят Дональда, и злилась. Слишком застенчивая, чтобы вмешиваться, она попыталась отвернуться и не обращать внимания на происходящее.

— Они думают, что очень умные, — пробормотала она себе под нос. — А на самом деле просто подлые.

Парочка «супер-пупер-крутых» мальчишек из ее класса, почти всегда ходивших вместе,

издевались над Дональдом, новичком, который пришел в класс всего несколько дней назад. Его семья только что переехала в город и сняла старый обшарпанный дом в конце той же улицы, где жила Сара. Этот дом стоял пустым много месяцев, и мама Сары была рада, что наконец туда кто-то въехал. Сара видела, как разгружали старый фургон-развалюху, и задумалась: неужели все, что у них есть, — это немного потрепанной мебели?

Оказаться в чужом городе, где ты ничего не знаешь, и так тяжело, а тут еще эти задиры к нему прицелились — это уже слишком. Сара стояла в коридоре и смотрела, как Линн и Томми издеваются над Дональдом, и глаза у нее наполнялись слезами. Она помнила взрыв смеха в классе вчера, когда Дональда попросили подняться, чтобы его представили новым одноклассникам, и все увидели, что он сжимает в руках ярко-красный пластмассовый пенал. Конечно, Сара могла признать, что это не лучшая идея, больше подходившая ровесникам ее младшего брата, но все равно это не заслуживало такого унижения.

Сара понимала, что для Дональда тогда настала критическая, поворотная точка. Если бы он сумел иначе воспользоваться этим моментом — например, улыбнуться в ответ, не обращая внимания на то, что думали о нем злорадные одноклассники, — может быть, тогда все пошло бы по-другому. Но так не случилось. Потому что Дональд, смущенный и искренне напуганный, бухнулся обратно на стул, кусая губы. Учитель отчитал класс, но это не имело значения. Ребятам было все равно, что думает о них мистер Йоргенсен, но Дональду, очевидно, было не все равно, что класс думает о нем.

Сара видела, как вчера, выходя из класса, он бросил новенький ярко-красный пенал в мусорную корзину у двери. Как только Дональд скрылся из глаз, Сара достала его неудачно выбранный талисман и засунула себе в сумку.

Сара проследила, как Линн и Томми прошли по коридору и потом — этого она уже не видела, но слышала — спустились по лестнице. Дональд стоял перед своим шкафчиком: просто стоял, глядя внутрь, как будто там было нечто, что помогло бы как-то исправить ситуацию, или как будто он мог заползти внутрь и избежать того, что ждало его снаружи. Сару затошнило.

Она не знала, что делать, но хотела сделать хоть что-нибудь, чтобы Дональду стало легче. Осмотрев коридор, чтобы убедиться, что задиры действительно ушли, она достала красный пенал из сумки и пошла к Дональду, который теперь перебирал книги в тщетной попытке вернуть душевное спокойствие.

— Эй, Дональд, ты это вчера выбросил, — сказала Сара прямо. — По-моему, он классный. Оставь его себе.

— Мне он не нужен! — огрызнулся Дональд. Сара, ошеломленная, отступила и мысленно попыталась восстановить равновесие. — Если ты считаешь, что он классный, оставь его себе! — орал Дональд.

Быстро сунув пенал обратно в сумку и надеясь, что никто не видел и не слышал этого неприятного разговора, Сара поспешила во двор, а оттуда домой.

— И почему я не осталась в стороне? — отчитала она себя. — Когда я научусь?

Глава 11

— Соломон, почему люди такие злые? — жалобно спросила Сара.

— Все люди злые? Я не замечал.

— Ну, не все, но многие, и я не понимаю, почему. Когда я становлюсь злой, я чувствую себя ужасно.

— А когда ты такой становишься, Сара?

— Обычно когда сначала злым становится кто-то другой. Наверное, я тоже становлюсь злой, чтобы отыграться.

— И это помогает?

— Да, — защищаясь, заявила Сара.

— Как же так, Сара? Разве, когда ты отыгрываешься, ты чувствуешь себя лучше? Это что-то меняет, или злые поступки возвращаются обратно?

— М-м... наверное, нет.

— На самом деле, по моим наблюдениям, это только добавляет зла и подлости в мире. Ты как будто присоединяешься к цепочке боли. Сначала больно им, потом тебе, потом ты причиняешь боль кому-то еще, и так далее.

— Но кто же начал эту ужасную цепочку боли?

— Неважно, кто ее начал. Важно то, что ты будешь делать, когда дойдет очередь до тебя. Что произошло, Сара? Что заставило тебя присоединиться к цепочке боли?

Сара, чувствуя, как тянет в животе, все же рассказала Соломону о новом мальчике, Дональде, и о его первом дне в классе. Она рассказала о задирах, которые все время находили новые поводы подразнить Дональда. Она рассказала о тревожном случае в коридоре. И пока она рассказывала Соломону, что случилось, и описывала все подробности, ее болезненный гнев разгорался снова, и слезы выступили на глазах и покатались по щекам. Она сердито стерла их рукавом, раздраженная тем, что вместо обычного веселого разговора с Соломоном шмыгает носом и бормочет. Так не должно было быть.

Соломон долго молчал, пока в голове Сары метались бессвязные мысли. Она чувствовала, что Соломон смотрит на нее большими ласковыми глазами, но это ее не смущало. Наоборот, Соломон как будто вытягивал из нее что-то своим взглядом.

«Что ж, становится очевидно то, чего я не хочу, — подумала Сара. — Я не хочу так себя чувствовать. Особенно когда разговариваю с Соломоном».

— Очень хорошо, Сара. Ты только что сознательно сделала первый шаг к завершению цепочки боли. Ты сознательно определила, чего ты не хочешь.

— Разве это хорошо? — спросила Сара. — По ощущениям — нет.

— Это потому, что ты сделала только первый шаг. Осталось еще три.

— Какой же следующий шаг, Соломон?

— Определить, чего ты не хочешь, несложно, правда, Сара?

— Да, наверное. То есть обычно я это знаю.

— Откуда ты знаешь, что думаешь именно о том, чего не хочешь?

— Ну, я это чувствую.

— Ты определяешь по тому, что ты чувствуешь. Когда ты думаешь или говоришь о чем-то, чего не хочешь, ты всегда испытываешь негативные эмоции. Ты чувствуешь гнев или огорчение, стыд, вину или страх. Ты всегда чувствуешь что-то плохое, когда думаешь о том, чего не хочешь.

Сара подумала о прошедших днях, когда она испытывала больше негативных эмоций, чем обычно.

— Ты прав, Соломон, — сказала она. — Мне было хуже обычного в последнюю неделю, пока я смотрела, как мальчишки дразнят Дональда. Я была так счастлива с тех пор, как познакомилась с тобой, а потом так злилась на них за то, что они его дразнят. Теперь я вижу, как то, что я чувствую, связано с тем, что я думаю.

— Хорошо, Сара. А теперь поговорим о втором шаге. Если ты знаешь, чего ты не хочешь, — трудно ли после этого понять, что ты хочешь?

— Ну... — начала Сара: она хотела понять, но все еще была не уверена.

— Когда ты болеешь, чего ты хочешь?

— Выздороветь, — легко ответила Сара.

— Когда у тебя не хватает денег, чтобы купить что-то, чего ты хочешь?

— Чтобы у меня было больше денег.

— Вот видишь, Сара, это второй шаг в нарушении цепочки, боли. Первый шаг — понимание того, чего ты не хочешь. Второй шаг — определение, чего ты хочешь.

— Ладно, это просто. — Сара начинала чувствовать себя лучше.

— Самый важный шаг — третий, Сара, и именно его чаще всего пропускают. Третий шаг таков: после того, как ты определила, чего хочешь, тебе нужно сделать так, чтобы это ощущалось реальным. Тебе нужно говорить о том, почему ты этого хочешь, описывать, каково это — обладать желаемым, объяснять, представлять или вспоминать похожие случаи, — но не переставать думать об этом, пока не возникнет ощущение реальности. Продолжай говорить сама с собой о том, чего ты хочешь, пока не начнешь чувствовать себя хорошо.

Слушая, как Соломон поощряет ее размышлять — специально! — и представлять что-то, Сара едва могла поверить своим ушам. Она не единожды попадала в неприятности именно из-за этой привычки. То, что говорил ей Соломон, было полной противоположностью тому, что говорили учителя в школе. Но она уже привыкла доверять Соломону. И уж конечно, она была готова попробовать что-нибудь новое. Другие-то способы, очевидно, не работали.

— Почему третий шаг — самый важный, Соломон?

— Потому что, пока ты не изменишь свои ощущения, ты ничего не изменишь. Ты все еще остаешься частью цепочки боли. Но как только меняются твои ощущения, ты становишься частью другой цепочки — назовем ее цепочкой Соломона.

— Как ты называешь свою цепочку?

— Вообще-то я никак ее не называю. Это скорее ощущение. Но ты можешь назвать ее цепочкой Радости, или цепочкой Благополучия. Цепочкой Хороших ощущений. Это естественная цепочка, Сара, она показывает, какие мы на самом деле.

— Но если это естественно, если мы такие на самом деле, почему мы не чувствуем себя так хорошо все время?

— Люди действительно хотят хороших эмоций, и большинство людей очень сильно хотят быть хорошими. И это большая часть проблемы.

— Что ты имеешь в виду? Почему хотеть быть хорошим — это проблема?

— Видишь ли, Сара, люди хотят быть хорошими и поэтому смотрят на окружающих, на то, как живут остальные, чтобы определить, что же хорошо. Они смотрят ни условия, в которых находятся, видят то, что считают хорошим, и то, что считают плохим.

— И это плохо? Не вижу ничего плохого, Соломон.

— Я заметил, Сара, что, когда люди смотрят на обстоятельства, хорошие и плохие, они в большинстве случаев не осознают, что чувствуют. И именно поэтому все идет у них не так. Вместо того, чтобы понимать, как то, на что они смотрят, влияет на них, они в своем стремлении к хорошему выискивают плохое и пытаются оттолкнуть его. Проблема в том, что, когда они пытаются оттолкнуть то, что считают плохим, они присоединяются к цепочке боли. Людям гораздо интереснее искать, анализировать и сравнивать обстоятельства, чем осознавать, что они чувствуют. И часто обстоятельства затягивают их прямо в цепочку боли.

— Вспомни последние несколько дней, Сара, и постарайся припомнить самые сильные чувства, которые ты испытывала. Что происходило в эти дни, по поводу чего ты ощущала негативные эмоции?

— Я чувствовала себя просто ужасно, когда Томми и Линн дразнили Дональда. Я чувствовала себя ужасно, когда ребята смеялись над Дональдом в классе, а хуже всего было, когда Дональд кричал на меня. А ведь я просто пыталась ему помочь.

— Хорошо, Сара. Давай поговорим об этом. Когда ты чувствовала себя так плохо, что ты делала?

— Не знаю, Соломон. Я ничего не делала. В основном я просто смотрела.

— Именно так. Ты наблюдала за обстоятельствами, но обстоятельства, на которые ты решила смотреть, были того рода, которые заставляют тебя включаться в цепочку боли.

— Но, Соломон, — возразила Сара, — как можно не видеть что-то плохое и не чувствовать себя плохо, когда ты это видишь?

— Очень хороший вопрос, Сара, и я обещаю, что со временем отвечу на него полностью. Я знаю, что нелегко понять все это сразу. А причина того, что это трудно понять, в том, что тебя учили следить за обстоятельствами, но не учили обращать внимание на то, что ты чувствуешь в связи с ними, — и поэтому обстоятельства управляют твоей жизнью. Если ты видишь что-то хорошее, ты испытываешь в ответ хорошие чувства, а если ты видишь что-то плохое, ты испытываешь плохие чувства. Когда обстоятельства управляют твоей жизнью, это тебя раздражает, и именно из-за этого столько людей присоединяется к цепочке боли.

— Тогда как мне удержаться вдали от цепочки боли и при этом помочь тем, кто в нее попадает?

— Для этого есть много способов. Но мой любимый — самый быстрый из всех — такой: думай о благодарности.

— Благодарности?

— Да, Сара. Сосредоточься на чем-то или ком-то и постарайся найти мысли, из-за которых ты будешь чувствовать себя хорошо. Поблагодари за них изо всех сил. Это лучший способ войти в цепочку Радости.

— Вспомни, какой первый шаг?

— Знать, чего я не хочу, — гордо ответила Сара. С этим она уже разобралась.

— А второй шаг?

— Знать, что я хочу.

— Очень хорошо, Сара. А третий шаг?

— О, я забыла, Соломон, — расстроено сказала Сара, сердясь на себя за то, что забыла так быстро.

— Третий шаг — найти место ощущения для того, что ты хочешь. Говорить о том, чего ты хочешь, пока не почувствуешь, что уже это получила.

— Соломон, ты так и не сказал мне, какой четвертый шаг, — вспомнила Сара.

— О, четвертый шаг — самый лучший. Именно с ним ты получаешь желаемое. Четвертый шаг — это физическое воплощение твоего желания. Получай от этого удовольствие. Не старайся запомнить это все. Просто учись благодарности. Это ключ ко всему. А теперь тебе лучше бежать. Мы можем поговорить об этом завтра.

«Благодарность... — размышляла Сара. — Я попробую быть благодарной. — Ей в голову тут же пришел образ Джейсона. — Да, это будет непросто», — подумала Сара, возвращаясь из рожи Соломона.

— Начни с чего-нибудь попроще! — крикнул Соломон, взлетая со своего насеста.

— Ладно, ладно, — засмеялась Сара. «Я люблю тебя, Соломон», — подумала она.

— Я тоже тебя люблю, Сара.

Сара отчетливо слышала голос Соломона, хотя он уже скрылся из виду.

Глава 12

«Что-нибудь простое, — думала Сара, — мне нужно быть благодарной за что-нибудь простое».

Она видела, как вдалеке резвится на снегу соседская собака. Она прыгала и бегала, а потом начала кататься на спине, явно радуясь жизни.

«Брауни, ты такой счастливый пес! Я благодарна тебе», — подумала Сара. Она все еще находилась далеко от пса, но он сорвался с места и помчался ей навстречу, как будто она была его хозяйкой и позвала его. Размахивая хвостом, он обежал вокруг нее пару раз, а потом положил лапы ей на плечи. Пес был большим, лохматым и заросшим; он усадил Сару в сугроб, оставленный снегоуборочной машиной, которая прошла здесь раньше, и вылизал ей лицо теплым мокрым языком. Сара смеялась так громко, что едва сумела встать. — Ты меня тоже любишь, да, Брауни? Этим вечером Сара лежала в постели и размышляла обо всем,

что произошло за неделю. «Я как будто на американских горках. То я чувствую себя лучше, чем когда-либо, то хуже, чем когда-либо, и все это — за одну короткую неделю. Мне нравится разговаривать с Соломоном, и — о, как мне нравится учиться летать, но и злилась я на этой неделе ого-го как. Все это очень странно».

Думай с благодарностью. Сара готова была поклясться, что голос Соломона раздался прямо в ее спальне.

— Нет. такого быть не может, — решила она. — Я просто вспомнила его слова. — И Сара перевернулась набок и продолжила размышления. «Я благодарна за эту мягкую теплую кровать, это точно, — думала она, натягивая одеяло на плечи. — И за свою подушку. Мягкую, уютную подушку. Очень благодарна. — Сара обхватила подушку руками и зарылась в нее лицом. — Я благодарна моей маме и папе. И Джей... и Джейсону тоже.

Не знаю, — продолжала она думать. — Я не уверена, что нашла это место ощущения. Может быть, я просто слишком устала. Поработаю над этим завтра». И с этой последней мыслью Сара крепко уснула.

— Я снова лечу! Снова лечу! — кричала она, взмывая высоко в небо над домом. «Полет для этого не лучшее название, — подумала она. — Больше похоже на плавание. Я могу попасть куда захочу!»

Без всяких усилий, просто подумав о том, куда бы она хотела попасть, Сара легко передвигалась по небу, то и дело останавливаясь, чтобы рассмотреть что-то, что раньше не замечала; иногда она спускалась к самой земле, а потом снова поднималась вверх. Вверх! Вверх! Вверх! Она обнаружила, что, если ей хотелось спуститься, достаточно было протянуть ногу к земле, и она летела вниз. А когда она была готова снова взмыть вверх, нужно было посмотреть на небо.

«Я хочу летать вечно!» — решила Сара.

«Ну-ка, — задумалась она, — а куда бы мне теперь полететь?» Сара поднялась над своим городком, глядя, как гаснут огни в окнах, то тут, то там — семья за семьей, дом за домом укладывались спать. Начал идти легкий снег, и Сара восхитилась тому, как ей тепло и уютно, хотя она летает посреди ночи босиком и во фланелевой ночной рубашке. «И мне совсем не холодно».

Теперь уже почти все дома были темными, и светились только редкие фонари на улицах, но на дальнем конце города Сара видела один дом, все еще освещенный. Поэтому она решила посмотреть, кто там еще не спит. «Наверное, кто-то, кому не нужно утром вставать», — подумала она, приближаясь и протягивая левую ногу вниз, чтобы быстро и аккуратно спуститься.

Она опустилась на маленькое окно кухни и обрадовалась: шторы были раздвинуты, так что можно было заглянуть внутрь. А там, за кухонным столом, среди разложенных повсюду бумаг, сидел мистер Йоргенсен, учитель Сары. Мистер Йоргенсен методично брал листок за листком, читал их и брался за следующий. Сара зачарованно наблюдала за ним. Он так серьезно подходил к тому, что делал.

Сара ощутила легкий укол вины за то, что вот так подглядывает за своим учителем. «Но, по крайней мере, это окно кухни, а не ванной или спальни, или чего-то такого же личного».

Теперь мистер Йоргенсен улыбался, похоже, то, что он читал, ему действительно нравилось. Он что-то написал на листке. И тут Сара внезапно поняла, что мистер Йоргенсен делает. Он читал работы, которые сдал класс Сары в конце учебного дня. Он читал их все, одну за другой.

Сара часто видела, что наверху или на обороте работы, которую возвращал ей учитель, что-то написано, и никогда не испытывала за это особой благодарности. «Ему не угодишь», — много раз думала Сара, читая замечания на своей работе.

Но теперь, наблюдая, как учитель читает, пишет, снова читает и снова пишет, хотя почти все в городе уже крепко спят, Сара чувствовала себя странно. У нее даже голова закружилась, когда ее старая, негативная точка зрения, а мистера Йоргенсена и новое представление о нем столкнулись. «Ух ты!» — сказала Сара и посмотрела вверх, так что ее тело взмыло в небо над домом учителя.

Теплый порыв ветра вырвался как будто у нее из груди, оборачиваясь вокруг ее тела и вызывая у нее мурашки. Ее глаза наполнились слезами, а сердце счастливо забилося. Она взлетела высоко-высоко в небо, глядя сверху вниз на прекрасный спящий — или почти спящий — город.

«Я благодарна вам, мистер Йоргенсен», — подумала Сара, делая последний круг над его домом и отправляясь к себе. Напоследок она обернулась — и была почти уверена, что видела у окна своего учителя, глядящего ей вслед.

Глава 13

— Здравствуйте, мистер Мэтсон, — звонко сказала Сара, переходя мост Мэйн-стрит по дороге в школу.

Мистер Мэтсон выглянул из-под капота машины, над которой он работал. Они с Сарой встречались по утрам, когда она шла в школу, сотни раз, на протяжении многих лет, в течение которых он работал на единственной городской автозаправке, на углу Мэйн-стрит и Сентер-стрит. Но раньше Сара никогда его не окликала. Он не знал, как на это реагировать, поэтому удивленно махнул рукой.

Большинство тех, кто знал Сару, стали замечать удивительные отличия в ее обычно замкнутом поведении. Вместо того, чтобы смотреть себе под ноги и глубоко погружаться в собственные мысли, Сара неожиданно стала интересоваться своим горным городком, оказалась необыкновенно наблюдательной и удивительно общительной.

— На свете столько вещей, за которые можно быть благодарной! — тихо сказала Сара сама себе. «Снегоуборочная машина расчистила почти все улицы. Это хорошо, — думала она. — Я за это благодарна».

Она увидела перед лавкой Бергмана грузовой прицеп с выдвинутой лестницей. Один человек стоял наверху лестницы, что-то делая с фонарным столбом, а второй внимательно наблюдал за ним, стоя внизу. Сара заинтересовалась, что это они делают, и решила, что они, наверное, чинят электропровода, ставшие слишком тяжелыми из-за налипших на них сосулек. «Это здорово, — подумала она. — Хорошо, что они следят за работой электросети. Я за это благодарна».

Школьный автобус, полный детей, завернул за угол, когда Сара входила во двор школы. Она не видела лиц сидящих в автобусе, потому что окна запотели, но все ей было знакомо: водитель автобуса, начинавший собирать своих не желающих никуда ехать пассажиров по всем деревням еще до рассвета, теперь выгружал примерно половину в школе Сары. Остальных он высадит в прежней школе Сары, ниже по Мэйн-стрит. «Водитель автобуса делает хорошее дело, — подумала Сара. — Я за это благодарна».

Сара сняла тяжелое пальто и вошла в здание школы, обратив внимание на то, как в нем тепло и уютно. «Я благодарна этому зданию, печам, которые его согревают, и истопнику, который следит за печами». Она вспомнила, как истопник забрасывает в корзину куски угля, которые будут поддерживать огонь еще несколько часов, и как он выгребает из печи большие красные куски шлака. «Я благодарна истопнику, который работает, чтобы нам было тепло».

У Сары было превосходное настроение. «Я начинаю понимать идею благодарности, — думала она. — Удивительно, что я не поняла это раньше. Это так здорово!»

— Привет, младенчик! — услышала Сара неестественно тонкий голос, который кого-то дразнил. Слова звучали так ужасно, что Сара, услышав их, поморщилась. Переход от прекрасных ощущений тошнотворному пониманию, что кто-то над кем-то издевается, был ужасен.

«О нет — подумала Сара, — опять Дональд!» Ну конечно, двое задир снова взяли за свое. Они загнали Рональда в угол коридора. Он прижался к шкафчику, а ухмыляющиеся лица Томми и Линна были всего в нескольких сантиметрах от него.

Внезапно вся застенчивость Сары куда-то пропала.

— Почему бы вам не пойти поприставать к кому-нибудь своего размера?

Вообще-то Сара хотела сказать совсем не это, потому что Дональд был выше своих обидчиков, но уверенность, которую они приобретали от того, что все время ходили стаей, лишала Дональда, как и любого, кого они выбирали своей жертвой, этого преимущества.

— О, у Дональда завелась подружка, у Дональда есть подружка! — хором завопили мальчишки. Сара сначала вспыхнула от смущения, а потом покраснела от злости.

Мальчишки засмеялись и двинулись по коридору, оставив Сару позади, покрасневшую, вспотевшую и чувствующую себя неуютно.

— Нечего за меня влезать! — крикнул Дональд, снова набрасываясь на Сару, чтобы скрыть свои слезы смущения.

«Отлично, — мрачно подумала Сара. — Я снова влезла не в свое дело. И когда я научусь? Ладно, Дональд. Тебе я тоже благодарна. Ты снова помог мне понять, что я дура. Дура, которая ничему не учится».

Глава 14

— Привет, Соломон, — скучным тоном сказала Сара, бухнув свою сумку на столбик рядом с тем, на котором сидела птица.

— Добрый день, Сара. Сегодня прекрасная погода, не находишь?

— Да, наверное, — ответила Сара, не обращая внимания на то, что снова ярко сияло солнце, — ее это не интересовало. Она размотала шарф и стянула его с шеи, засунув в карман.

Соломон молча ждал, пока Сара соберется с мыслями и начнет, как обычно, забрасывать его вопросами, но Сара была сегодня необычно замкнута.

— Соломон, — сказала она, наконец. — Я не понимаю.

— Что ты не понимаешь?

— Я не понимаю, для чего нужно ходить и быть за все благодарной. То есть я не понимаю, какая от этого польза.

— Что ты имеешь в виду?

— Я про то, что у меня уже начало здорово получаться. Я занималась всю неделю. Сначала было трудно, но потом стало проще. А сегодня я была благодарна практически за все, пока не пришла в школу и не услышала, как Линн и Томми пристают к бедняге Дональду — опять.

— И что произошло?

— Я разозлилась. Я так разозлилась, что накричала на них. Я просто хотела, чтобы они оставили Дональда в покое, и пусть бы он был счастлив. Но я снова это сделала, Соломон. Я присоединилась к их цепочке боли. Я так ничему и не научилась. Я ненавижу этих мальчишек, Соломон, они ужасны.

— Почему ты их ненавидишь?

— Потому что они испортили мне прекрасный день. Сегодня я собиралась быть за все благодарна. Когда я проснулась утром, то поблагодарила кровать, а потом завтрак, а потом маму и папу, и даже Джейсона. И всю дорогу в школу я нашла столько всего, за что можно быть благодарной, — а они все испортили, Соломон. Они снова заставили меня чувствовать себя ужасно. Как раньше. Как до того, как я научилась быть благодарной.

— Неудивительно, что ты злишься на них. Сара, ведь ты оказалась в опасной ловушке. Это самая неприятная ловушка в мире.

Саре не понравилось, как это прозвучало. Она видела достаточно ловушек, которые устраивали Джейсон и Билли, и освобождала немало мышей, белок и птичек, которых они ловили. Идея самой попасться в такую ловушку вызывала крайне неприятные ощущения.

— О чем ты говоришь, Соломон? Какая ловушка?

— Видишь ли, Сара, когда твое счастье зависит от того, что делают или не делают другие, ты оказываешься в ловушке, потому что не можешь управлять тем, что они говорят и делают. Но скоро ты найдешь истинное освобождение — свободу большую, чем в самых буйных фантазиях, — когда поймешь, что твоя радость не зависит ни от кого, кроме тебя самой. Твоя радость зависит только от того, на что ты решаешь обратить внимание.

Сара слушала молча, и по ее покрасневшим щекам текли слезы.

— Ты ощущаешь себя сейчас в ловушке, потому что не понимаешь, как могла бы иначе отреагировать на происходящее. Когда ты видишь что-то, что вызывает у тебя неприятные ощущения, ты отзываешься на эти обстоятельства. И ты думаешь, что единственный способ почувствовать себя лучше — это когда обстоятельства станут лучше. А поскольку управлять обстоятельствами ты не можешь, ты чувствуешь себя в ловушке.

Сара вытерла лицо рукавом. Она чувствовала себя очень неудобно. Соломон был нрав, она и впрямь оказалась в ловушке. И хотела из нее выбраться.

— Просто продолжай работать над благодарностью — и ты почувствуешь себя лучше. Понемногу мы с этим, разберемся. Вот увидишь. Тебе нетрудно будет все понять. Продолжай получать удовольствие. Мы еще поговорим. завтра. Сладких снов.

Соломон оказался прав. Дела действительно шли все лучше и лучше. Следующие несколько недель оказались лучшими на памяти Сары. Все шло неожиданно хорошо. Дни в школе как будто становились все короче, и, к удивлению Сары, ей постепенно начала нравиться школа. Но встречи с Соломоном по-прежнему были самой прекрасной частью дня.

— Соломон, — сказала Сара, — я так рада, что нашла тебя в этой роще. Ты мой лучший друг.

— Я тоже рад, Сара. Мы с тобой одного полета птицы, правда?

— Ну, тут ты прав наполовину, — засмеялась Сара, глядя на роскошные крылья Соломона и чувствуя, как внутри нее поднимается теплый ветер благодарности. Она слышала, как мама говорила: «Птицы одного полета и летают вместе», но никогда особенно не задумывалась над тем, что значит эта фраза, и, уж конечно, никогда не думала, что будет летать вместе с птицами.

— А что это означает, Соломон?

— Люди используют это выражение, как и другое: «Одного поля ягоды», и еще: «Яблочко от яблоньки недалеко падает», — чтобы показать, что похожие люди и вещи сходятся. Подобное притягивается к подобному.

— Ты имеешь в виду — как собираются вместе малиновки, и вороны, и белки?

— Да, примерно так. Но на самом деле так делают все похожие вещи на свете. Однако сходство не всегда в том, о чем ты думаешь. Иногда оно не так очевидно.

— Я не понимаю, Соломон. Если ты не видишь сходства, то как узнать, похожи вещи или различаются?

— Ты его чувствуешь, Сара. Но для этого нужен опыт, а прежде, чем набирать опыт, тебе нужно знать, что ты ищешь; а поскольку люди не понимают основных правил, они не знают, что искать.

— Правила — как в игре, Соломон?

— Да, вроде того. На самом деле лучше всего назвать это «Законом Притяжения». Закон Притяжения гласит: подобное притягивается к подобному.

— А, понятно, — обрадовалась Сара. — Как одинаковые птицы друг к другу.

— Именно так. И этот закон относится ко всему и всем во вселенной.

— Я все еще не совсем понимаю. Расскажи мне еще, Соломон.

— Завтра попробуй поискать вокруг себя проявления этого закона. Держи глаза и уши открытыми и, самое главное, обращай внимание на то, что ты чувствуешь, когда смотришь на людей, вещи, животных и ситуации вокруг себя. Считай это развлечением. Мы поговорим. подробнее завтра.

«Хм. Птицы одного полета летают вместе», — задумалась Сара. И пока она обдумывала эти слова, большая стая гусей взлетела с поля и хлопала крыльями над ее головой. Саре всегда нравилось смотреть на зимних гусей, и ее восхищал рисунок, который они образуют,

летя по небу. Сара посмеялась над тем, что показалось ей совпадением: заговорили о птицах — и сразу же они заполнили все небо. «Вот тебе и Закон Притяжения!»

Глава 16

Блестящий старый «бьюик» мистера Пэка, проезжавший мимо Сары, замедлил ход. Она помахала мистеру и миссис Пэк, и они помахали ей в ответ.

Сара вспомнила слова ее отца о пожилых соседях: «Эти старые чудаки совершенно одинаковые». — «И даже выглядят одинаково», — добавила мама.

«Хмм, — размышляла Сара, — они и впрямь похожи». Она припомнила, как давно знает соседей. «Они оба чистенькие, как начищенные пуговицы», — заметила ее мама с самого начала. Машина мистера Пэка всегда блестела ярче всех в городе. «Наверное, он ее каждый день моет», — простонал папа Сары, которому не нравился контраст всегда чистой машины мистера Пэка с его собственной, вечно немытой. Газон и сад мистера Пэка всегда были подстрижены и прополоты до идеального состояния, а миссис Пэк была такой же аккуратной, как ее муж. Саре нечасто выпадала возможность побывать в их доме, но в тех редких случаях, когда мама посылала ее с каким-нибудь делом к соседям, и она заглядывала внутрь, ее всегда поражал дом, неизменно чистый до блеска, где царил абсолютный порядок. «О, Закон Притяжения!» — подумала она.

Брат Сары Джейсон и его приятель по проделкам Билли промчались мимо Сары на велосипедах, и оба подъехали к ней так близко, как только можно было, не сбивая ее при этом с ног. «Эй, Сара, смотри, куда идешь!» — крикнул Джейсон. Они засмеялись, уносясь от нее прочь.

«Вот вредины! — подумала Сара, возвращаясь на дорогу, сердитая, что пришлось отойти на обочину, чтобы пропустить их. — Они просто созданы друг для друга, — ворчала она. — И всегда рады похулиганить. — Она остановилась как вкопанная. — Одного полета птицы! Они — одного полета птицы! Это Закон Притяжения!»

«И этот закон относится ко всему и всем во вселенной», — вспомнила она слова Соломона.

На следующий день Сара все свободное время посвятила поискам доказательств Закона Притяжения.

«Он везде!» — сделала она вывод, понаблюдав за взрослыми, подростками и детьми, встречавшимися ей в городе.

Сара остановилась в лавке Хойта, магазине всякой всячины в центре города, недалеко от ее обычного пути в школу. Она купила новый ластик взамен того, который кто-то одолжил вчера и не вернул, и шоколадку на сладкое после ланча.

Ей всегда нравился этот магазин. В нем было неизменно уютно. Магазином владели трое жизнерадостных мужчин, всегда готовые поболтать и поиграть с любым посетителем. Здесь былолюдно, потому что это была единственная бакалейная лавка в городе, но, даже когда выстраивались длинные очереди, трое владельцев умудрялись шутить и дурачиться со всеми, кто соглашался им подыгрывать.

— Как делишки, малышка? — сказал самый высокий из них Саре. Его энтузиазм немного удивил ее. Они никогда не обращали на Сару особого внимания, что ее обычно вполне устраивало, но сегодня они явно собирались позабавиться над ней.

— Хорошо, — смело ответила она.

— Именно то, что я и хотел услышать! Что съешь сначала — шоколадку или ластик?

— Наверное, сначала шоколадку. А ластик оставлю на десерт! — Сара ухмыльнулась ему в ответ.

Мистер Хойт громко рассмеялся. Сара сумела заставить его врасплох остроумным ответом. Ее бойкая реплика и ее саму удивила.

— Ну, хорошего тебе дня, девочка! Веселись и дальше!

Выходя обратно на Мэйн-стрит, Сара ощущала себя великолепно. «Одного полета птицы, — думала она. — Закон Притяжения. Он везде!»

«Какой прекрасный день!» Сара запрокинула голову, глядя на яркое синее небо. День был неожиданно теплым для зимы. Обычно заледеневшие улицы и тротуары сегодня влажно блестели, и вдоль них текли ручейки, образуя тут и там лужицы.

Бррррррууммхм! — хором проорали Джейсон и Билли, пронесшись мимо Сары так быстро и так близко, как можно было, чтобы при этом не сбить ее с ног. Ей на ботинки плеснуло грязной водой.

— Дураки! — крикнула Сара им вслед, стряхивая мутную воду и вскипая от злости. «Это нелогично. Нужно спросить у Соломона».

Мокрая одежда высохла, а большую часть грязных пятен удалось оттереть, но к концу дня Сара все еще была в недоумении и злилась. Злилась она на Джейсона, впрочем, в этом не было ничего необычного. Но она злилась и на Соломона, и на Закон Притяжения, и на птиц одного полета, и на злых людей. Честно говоря, Сара злилась на весь мир.

Как обычно, Соломон сидел на своем насесте и терпеливо ожидал Сару.

— Сегодня ты необычайно взволнована. О чем ты хочешь поговорить?

— Соломон! — воскликнула Сара. — В этом Законе Притяжения что-то неправильно!

Она замолчала, ожидая, что Соломон ее поправит.

— Продолжай, Сара.

— Ну, ты сказал, что, согласно Закону Притяжения, подобное притягивается к подобному, так? А Джейсон и Билли очень противные. Они весь день занимаются тем, что устраивают окружающим пакости. — Сара сделала паузу, все еще ожидая, что Соломон прервет ее.

— Продолжай.

— Но я же не противная. То есть я не обливаю других грязью, не сбиваю их велосипедом. Я не ловлю и не убиваю зверюшек, не выпускаю воздух из чужих шин — так почему Джейсон и Билли все время трутся со мной рядом? Мы не птицы одного полета, Соломон. Мы разные!

— Ты действительно думаешь, что Джейсон и Билли такие противные?

— Да, Соломон, я уверена!

— Они негодники, в этом я с тобой согласен, — Соломон кивнул, — но в целом они ничем не отличаются от всех и всего во Вселенной. У них положительные черты и отрицательные, и то и другое перемешано. Разве ты никогда не видела, как твой брат делает что-то хорошее?

— Ну, да, видела. Но очень редко. — Сара запнулась. — Мне нужно об этом подумать. Но я все равно не понимаю. Почему они постоянно ко мне лезут? Я же к ним не лезу!

— Видишь ли, Сара, так устроен мир. В каждый момент времени ты видишь либо желаемое, либо его отсутствие. Когда ты видишь желаемое, то, даже просто глядя на него, ты начинаешь вибрировать так же. Ты становишься такой же. Понимаешь?

— Ты хочешь сказать, что когда я смотрю на что-то противное, то и сама становлюсь противной?

— Не совсем так, но ты начинаешь понимать. Представь рекламный щит размером со свою кровать.

— Щит?

— Да, щит с тысячей лампочек, как на новогодней елке. Море лампочек. Тысячи лампочек, и ты — одна из них. Когда ты обращаешь на что-то внимание, то уже благодаря этому твоя лампочка на щите загорается, и в эту же секунду все остальные лампочки на щите — их вибрация находится в гармонии с твоей — тоже загораются. А эти лампочки представляют твой мир. Это люди и ощущения, к которым ты теперь имеешь доступ через вибрации. Подумай об этом, Сара. Из всех людей, которых ты знаешь, кого твой брат Джексон больше всего дразнит и достает?

Сара ответила сразу же:

— Меня, Соломон. Он всегда ко мне лезет!

— А из всех, кого ты знаешь, кого больше всего раздражают приставания Джейсона? Кто, по твоему, зажигает свой щит в вибрационной гармонии с этими негодниками?

Сара засмеялась, начиная понимать.

— Я. Меня это больше всего раздражает. Я все время зажигаю свой щит, потому что смотрю на Джейсона и злюсь на него.

— Вот видишь, Сара, когда ты сталкиваешься с чем-то, что тебе не нравится, и замечаешь это, думаешь об этом — ты зажигаешь свой щит и получаешь еще больше этого же, неприятного. Часто ты вибрируешь, даже когда Джейсона нет рядом. Ты просто вспоминаешь, что случалось, когда он был рядом. А хорошо во всем этом то, что ты всегда можешь определить по своим ощущениям, когда достигаешь внутренней вибрационной гармонии.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда ты счастлива, благодарна и обращаешь внимание на положительные стороны людей и вещей, твои вибрации находятся в гармонии с тем, что ты хочешь. Но когда ты испытываешь злость или страх, вину или огорчение, ты — в этот самый момент — достигаешь гармонии с тем, чего ты не хочешь.

— Каждый раз?

— Да. Каждый раз. Ты всегда можешь доверять своим ощущениям. Это твоя собственная путеводная система. Подумай об этом, Сара. В следующие несколько дней, наблюдая за окружающими, обращай особое внимание на то, что чувствуешь. Покажи себе, Сара, с чем ты достигаешь вибрационной гармонии.

— Ладно, Соломон. Я попробую. Но это довольно сложно, знаешь ли. Может получится не

сразу.

— Согласен. Хорошо, что вокруг тебя столько людей, которые предоставляют возможность потренироваться. Получай удовольствие.

И с этими словами Соломон взлетел в небо и был таков.

«Тебе хорошо говорить, — подумала Сара. — Ты можешь сам выбирать, с кем проводишь время. Тебе не надо ходить в одну школу с Линном и Томми. И ты не живешь вместе с Джейсоном».

Но тут, так же четко, как если бы Соломон сидел прямо рядом с ней и говорил ей на ухо, Сара услышала:

— Когда твое счастье зависит от того, что делают или не делают другие, ты оказываешься в ловушке, потому что не можешь управлять тем, что они говорят и делают. Но скоро ты найдешь истинное освобождение — свободу большую, чем в самых буйных фантазиях, — когда поймешь, что твоя радость не зависит ни от кого, кроме тебя самой. Твоя радость зависит только от того, на что ты решаешь обратить внимание.

Глава 17

«Что за день», — думала Сара, шагая к роще Соломона.

— Ненавижу школу! — высказалась она вслух, снова охваченная злостью, возникшей, едва она вошла на школьный двор. Она шла, глядя себе под ноги и вспоминая все подробности прошедшего ужасного дня.

Она добралась до ворот одновременно со школьным автобусом, и, когда водитель открыл двери, шумная толпа мальчишек едва не сбила ее с ног: они толкались со всех сторон, так что она уронила учебники и содержимое сумки рассыпалось. А хуже всего то, что ее сочинение по заданию мистера Йоргенсена буквально растоптали. Сара собрала измятые грязные листы и засунула обратно в сумку. «Вот что я получаю за заботу о внешнем виде сочинения», — проворчала она, жалея, что тратила время на то, чтобы переписать сочинение второй раз, прежде чем аккуратно сложить и убрать в сумку. Все еще пытаясь прийти в норму, Сара проходила в двери школы недостаточно быстро, по мнению мисс Вебстер, худой и ненавидимой всеми учительницы третьего класса.

— Быстрее, Сара, мне что, весь день тут стоять? — рявкнула она.

— Ну, извините, что я вообще существую! — пробормотала Сара себе под нос. — Какое несчастье!

За день Сара смотрела на часы, наверное, раз сто, отсчитывая минуты, оставшиеся до освобождения от окружающих ее гадостей.

И вот наконец прозвенел последний звонок, и она была свободна.

— Ненавижу школу. Просто ненавижу. Как она может приносить хоть какую-то пользу, если там так мерзко?

По привычке Сара пошла в рощу Соломона. Поворачивая на Такерс-Трейл, она подумала: «Я никогда не приходила сюда в таком паршивом настроении. Особенно с тех пор, как

познакомилась с Соломоном».

— Соломон, — пожаловалась она, — я ненавижу школу. По-моему, это пустая трата времени.

Соломон промолчал.

— Сидишь, как в клетке, выбраться не можешь, а все вокруг противные и только и ищут способы тебя обидеть, целый день!

Соломон снова оставил ее слова без комментария.

— Мало того, что дети делают гадости друг другу, но ведь и учителя тоже, Соломон! По-моему, им там тоже не нравится.

Соломон просто сидел и смотрел на нее. Только то, что он время от времени моргал, доказывало Саре, что он не спит.

По щеке Сары скатилась слезинка; в ней набухало расстройство.

— Я просто хочу быть счастлива. А в школе я никогда не смогу быть счастлива!

— Тогда, Сара, я думаю, что тебе лучше уехать из города.

Сара уставилась на него, пораженная неожиданными словами.

— Что ты сказал, Соломон? Уехать из города?

— Да, Сара. Если ты хочешь уйти из школы, потому что там. есть что-то неприятное, то, видимо, тебе лучше сразу уехать из города, из штата, из страны, и вообще покинуть планету и даже эту Вселенную. Правда, я не знаю, куда бы тебе отправиться.

Сара ничего не понимала. Она не узнавала Соломона, который всегда искал выход, и которого она знала и любила.

— О чем ты говоришь?

— Видишь ли, Сара, я обнаружил, что в каждой частице этой Вселенной есть нечто желательное и нечто нежелательное. В каждом человеке, в каждой ситуации, в каждом месте, в каждый момент времени — всегда есть выбор между двумя сторонами. Как видишь, Сара, если ты уходишь из места или из обстоятельств, потому что у них есть негативная сторона, следующее место, куда ты попадешь, ничем не будет отличаться.

— Не могу сказать, что мне это помогло, Соломон. Звучит безнадежно.

— Твоя задача — не искать идеальное место, где будет только то, что для тебя желательно. Твоя задача — искать желательное и приятное в любом месте.

— Но почему? Кому от этого хорошо?

— Для начала — тебе; а кроме того, чем больше ты замечаешь того, что хочешь видеть, тем больше желательного с тобой случается. Тебе становится все легче, Сара.

— Но разве одни места не бывают лучше, а другие — хуже? Школа — самое ужасное место, которое только можно представить.

— В одних местах находить позитивные стороны легче, чем в других; но это может оказаться ловушкой.

— О чем ты?

— Когда ты видишь что-то, что тебе не нравится, и решаешь уйти подальше, то обычно берешь неприятное с собой.

— Соломон! Я ни за что не стала бы брать с собой этих злых учителей и вредных детей!

— Может быть, не именно этих, но ты будешь встречать других, очень похожих на этих, везде, куда бы ты ни пошла. «Птицы одного полета». Помнишь «щит с лампочками»? Когда ты видишь людей, которые тебе не нравятся, и думаешь о них, говоришь о них, ты становишься на них похожа, а потом везде, куда бы ты ни пошла, оказываются и они тоже.

— Я все время про это забываю.

— Это вполне естественно: ты забываешь, потому что ты подобна большинству людей, которых приучили отзываться на обстоятельства. Если тебя окружают хорошие обстоятельства, ты отвечаешь на них хорошими ощущениями; но если тебя окружают плохие обстоятельства, ты реагируешь тем, что чувствуешь себя плохо. Большинство людей считают, что сначала им нужно найти идеальные условия, а когда они их найдут, то смогут отреагировать на них тем, что будут чувствовать себя счастливыми. Но это вызывает у них чувство неудовлетворения, потому что очень скоро они обнаруживают, что не могут управлять обстоятельствами. Ты учишься тому, Сара, что твоя задача — не искать идеальные обстоятельства. Ты должна выбирать, за что быть благодарной — что заставляет тебя вибрировать так, как будто ты находишься в идеальных условиях, — чтобы затем привлекать к себе, идеальные условия.

— Наверное, — вздохнула Сара. Ей казалось, что это слишком сложно для понимания.

— Сара, это не так сложно, как кажется. На самом деле люди сами все усложняют, потому что пытаются понять все окружающие их обстоятельства. Ты можешь запутаться, если будешь пытаться понять, как были созданы те или иные условия, или какие условия правильные, а какие — нет. Ты можешь так с ума сойти, пытаешься разобраться во всем этом. Но если ты будешь просто обращать внимание на то, открыт или закрыт твой кран, твоя жизнь станет намного проще и куда счастливее.

— Мой кран? Что ты имеешь в виду?

— В каждый момент к тебе течет поток чистой позитивной энергии. Можно сказать, что это похоже на давление воды в трубах твоего дома. Это давление существует всегда, оно постоянно есть в кране. И когда ты хочешь получить воду, ты открываешь кран, и она течет. Но когда кран закрыт, вода не течет. Твоя задача — держать кран Благополучия, открытым. Оно есть всегда, но тебе нужно впустить его.

— Но зачем? — возразила Сара. — Зачем мне держать кран открытым в школе, где все вокруг злые и противные?

— Во-первых, когда твой кран открыт, ты не замечаешь ничего подобного, а кое-что меняется прямо у тебя перед глазами. Есть много людей, которые как бы балансируют на краю открытого или закрытого крана, а когда они вступают в контакт с тобой и твой кран открыт, они легко присоединяются к тебе в улыбках или приятных разговорах. Кроме того, тебе следует, помнить, что открытый кран влияет не только на то, что происходит прямо сейчас. Он влияет на завтрашний день и на все последующие. Поэтому чем больше дней, когда ты чувствуешь себя хорошо, тем более приятными будут обстоятельства следующего дня, и следующего, и следующего... Потренируйся в этом, Сара. Реши для себя, что никакие обстоятельства, какими бы неприятными они тебе ни казались в данный момент, не стоят того, чтобы закрывать свой кран. Реши, что держать кран открытым — важнее всего. Вот

слова, которые следует помнить и говорить как можно чаще: «Я все равно буду держать кран открытым».

— Ну ладно, Соломон, — смиренно ответила Сара, которой все это казалось не очень убедительным, но которая помнила, насколько лучше стала ее жизнь в целом с тех пор, как она попробовала другие техники, предложенные Соломоном. — Я попробую. Надеюсь, это сработает, — крикнула Сара через плечо, уходя из рожи. «Конечно, было бы здорово чувствовать себя хорошо несмотря ни на что. Этого я и хочу».

Глава 18

Машина мамы стояла на въезде. «Странно, — подумала Сара. — Она не должна была вернуться домой так рано».

— Эй, я дома! — крикнула она, открыв входную дверь, и сама удивилась такому неожиданному объявлению о своем возвращении. Но никто не ответил. Сара положила учебники на обеденный стол и, пройдя через кухню в коридор, ведущий к спальням, снова позвала: — Есть кто дома?

— Я здесь, солнышко, — услышала она тихий голос матери. Шторы в спальне были опущены, а мама Сары лежала на кровати с розовым полотенцем на лбу.

— Что с тобой, мам? — спросила Сара.

У меня просто очень болит голова, солнышко. Весь день болела, и, в конце концов, я решила, что не могу больше ни минуты оставаться на работе, поэтому поехала домой.

— А теперь тебе лучше?

— Мне лучше, когда я лежу с закрытыми глазами. Я просто полежу немножко. Попозже я выйду. Закрой дверь, пожалуйста, а когда придет твой брат, скажи ему, что я выйду потом. Может быть, если я посплю, мне станет лучше.

Сара на цыпочках вышла из комнаты и прикрыла дверь. Немного постояла в темном коридоре, пытаясь решить, что теперь делать. Она знала, какие дела по дому ее ожидают, потому что занималась ими каждый день, сколько себя помнила, но сейчас все ощущалось как-то иначе.

Сара не могла вспомнить, когда в последний раз ее мама оставалась дома в рабочий день из-за болезни, и в этом было что-то очень тревожное. У нее в животе словно завязался узел, и она никак не могла сориентироваться. Раньше она не понимала, как обычные надежность и хорошее настроение ее матери обеспечивали ей уверенность в каждом дне.

— Мне это не нравится, — сказала Сара вслух. — Надеюсь, мама скоро выздоровеет.

— Сара, — услышала она голос Соломона. — Неужели твое счастье зависит от окружающих обстоятельств? Тебе выпала хорошая возможность потренироваться.

— Ладно, Соломон. Но как мне тренироваться? Что я должна делать?

— Просто открой кран. Когда ты чувствуешь себя плохо, твой кран закрывается. Поэтому попробуй думать о том, что заставляет тебя чувствовать себя лучше, пока не ощутишь, что он снова открывается.

Сара отправилась на кухню, но мысли ее по-прежнему были в основном про маму, лежащую в постели в соседней комнате. Мамина сумочка лежала на кухонном столе, и Сара никак не могла перестать о ней думать.

— Реши что-нибудь делать, Сара. Вспомни свои обычные дела и реши выполнить их сегодня в рекордное время. Придумай что-нибудь еще, что не входит в твои обычные обязанности.

Эта мысль вдохновила Сару на немедленные действия. Она двигалась быстро и уверенно, собирая по всему дому вещи, которые постоянно оказывались не на своих местах. Она сложила стопкой газеты, покрывавшие весь пол в гостиной, а потом вытерла там пыль. Она вымыла раковину и ванну. Она выбросила мусор из ванной и кухни. Она сложила бумаги на большом отцовском письменном столе, втиснутом в угол гостиной, стараясь при этом ничего не сдвигать сильно с того места, где оно лежит.

Сара никогда не знала точно, есть ли какой-то порядок в этом хаосе, но не хотела создавать неприятности. На самом деле отец проводил за этим столом немного времени, и Сара часто задавалась вопросом, почему же ему отдано столько места в гостиной. Но, судя по всему, это место было нужно отцу, чтобы думать, а главное — чтобы было куда положить вещи, о которых он не хочет думать прямо сейчас.

Она двигалась быстро, решительно и целеустремленно и, только решив не пылесосить ковер в гостиной, чтобы не будить маму, поняла, что уже чувствует себя хорошо, хотя прошло совсем немного времени. Но после того, как она подумала, что не нужно пылесосить, потому что это может потревожить маму, ее внимание снова привлекли негативные обстоятельства, и в животе снова поселилось ноющее ощущение.

«Вот это да! — подумала Сара. — Потрясающе. Я вижу, что то, как я себя чувствую, зависит от того, на что я обращаю внимание. Обстоятельства не меняются — меняется только центр внимания!»

Настроение у нее было приподнятым. Она осознала нечто очень важное. Она обнаружила, что ее радость действительно не зависит ни от кого и ни от чего постороннего.

И тут она услышала, как открылась дверь спальни, и мама вышла из коридора в кухню.

— О, Сара, как все чисто! — воскликнула она, явно чувствуя себя намного лучше.

— Твоя головная боль прошла, мам? — ласково спросила Сара.

— Мне намного лучше. Я смогла отдохнуть, потому что знала, что ты обо всем позаботишься. Спасибо, солнышко.

Сара ощутила подъем. Она знала, что на самом деле сделала немногим больше, чем делала каждый день, вернувшись из школы. Мама благодарила ее не за это, а за то, что Сара открыла свой кран. «У меня получается, — решила Сара. — Я могу держать кран открытым вне зависимости от обстоятельств».

Сара вспомнила слова Соломона: «Я могу держать кран открытым, несмотря ни на что!»

Глава 19

«Очень хорошо, Сара. 5», — было написано наверху вчерашнего сочинения, которое вручил обратно Саре мистер Йоргенсен.

Читая эти слова, написанные ярко-красными чернилами, Сара едва сдерживала широкую улыбку. Мистер Йоргенсен, отдавая работу девочке, сидевшей перед ней, оглянулся на Сару, и, когда их взгляды встретились, он подмигнул.

У Сары сжалось сердце. Она была очень горда собой. Это было новое ощущение, и ей оно очень нравилось.

Она дожидаться не могла, когда попадет в рощу и поговорит с Соломоном.

— Соломон, что случилось с мистером Йоргенсеном? — спросила Сара. — Он как будто стал другим человеком.

— Он остался прежним, просто ты видишь теперь другое.

— Не думаю, что это я вижу другое, — он ведет себя иначе.

— Как?

— Он улыбается гораздо чаще, чем раньше. А иногда он свистит перед тем, как прозвенит звонок. Раньше он никогда этого не делал. Он даже мне подмигнул! И истории, которые он рассказывает в классе, стали намного лучше, все больше смеются. Соломон, он выглядит намного счастливее, чем раньше.

— Что ж, Сара, похоже, твой учитель присоединился к цепочке Радости.

Сара была поражена. Неужели Соломон хотел сказать, что это Сара так повлияла на поведение мистера Йоргенсена?

— Ты хочешь сказать, что это я сделала мистера Йоргенсена счастливее?

— Не только ты, Сара, — мистер Йоргенсен искренне хочет стать счастливым. Но ты помогла ему вспомнить об этом. И ты помогла ему вспомнить, почему он решил стать учителем.

— Но я ведь ни о чем таком с ним не разговаривала. Как же я могла помочь ему это вспомнить?

— Ты все это делала с благодарностью к мистеру Йоргенсену. Видишь ли, каждый раз, когда кто-то или что-то оказывается в центре твоего внимания, и в то же время ты испытываешь благодарность, ты усиливаешь состояние Благополучия этого объекта. Ты словно купаешь его в своей благодарности.

— Как будто поливаю из шланга? — хихикнула Сара, довольная своим глупым сравнением.

— Да, Сара, очень похоже. Но прежде чем ты начнешь поливку, тебе надо подсоединить шланг к крану и включить воду. Именно это и делает благодарность. Когда ты испытываешь благодарность или любовь, когда ты видишь что-то позитивное в вещах и людях, ты подключаешься к крану.

— А откуда берется благодарность в кране?

— Она всегда там была.

— Тогда почему большинство людей не разбрызгивают ее во все стороны?

— Потому что большинство людей отсоединились от крана. Они сделали это не намеренно, но не понимают, как оставаться подключенными.

— То есть ты хочешь сказать, что я могу подсоединиться к нему в любое время и разливать

благодарность во все стороны, на что хочу и когда хочу?

— Именно так, Сара. А когда ты поливаешь все благодарностью, то замечаешь очевидные изменения.

— Ух ты! — прошептала Сара, пытаясь мысленно оценить весь размах того, о чем только что узнала. — Это же как волшебство!

— Поначалу это кажется волшебством, но со временем начинает ощущаться совершенно естественно. Хорошие эмоции и то, что ты служишь катализатором для хороших эмоций окружающих, — самое естественное, что только может быть!

Сара собрала сумку и снятый ранее пиджак, собираясь прощаться с Соломоном.

— Главное, Сара, помни, что твоя задача — оставаться подключенной к крану.

Сара остановилась и обернулась к Соломону, внезапно осознав, что все может быть не так просто и волшебно, как показалось ей сначала.

— Есть какая-нибудь хитрость, чтобы все время оставаться подключенным к крану?

— Сначала придется немного потренироваться. Но у тебя будет получаться все лучше и лучше. В следующие несколько дней, когда ты думаешь о чем-то, обращай внимание. ни то, что чувствуешь. Ты увидишь, что, когда ты испытываешь благодарность, или удовольствие, или радость, или другие позитивные эмоции, тебе хорошо, а значит, ты подсоединилась к крану. Но если ты обвиняешь, или критикуешь, или ищешь ошибки, то тебе вовсе не хорошо. А значит, ты отсоединилась от крана, по крайней мере, на то время, пока испытываешь неприятные ощущения. Получай удовольствие, Сара.

И с этими словами Соломон улетел.

Идя домой, Сара ощущала радостное оживление. Ей и так уже нравилась предложенная Соломоном игра в благодарность, но идея испытывать благодарность для того, чтобы подключиться к замечательному крану, нравилась ей еще больше. Так у Сары появлялось больше причин испытывать благодарность.

Свернув за угол, на последний отрезок дороги домой, Сара увидела старую тетюшку Зою, которая очень медленно подходила к своему дому. Всю зиму Сара ее не видела и теперь удивилась, встретив на улице. Тетюшка Зою не видела Сару, поэтому Сара не стала ее окликать, чтобы не пугать и к тому же не оказаться втянутой в долгий разговор, что было очень вероятно. Тетюшка Зою разговаривала очень медленно, и с годами Сара научилась избегать неприятной ситуации, когда приходится наблюдать, как она ищет слова, чтобы выразить свои мысли. Ее разум как будто работал намного быстрее, чем рот, и поэтому она все время путалась в том, что хотела сказать. Когда Сара пыталась помочь, вставляя тут и там словечки, тетюшку Зою это только раздражало. Поэтому Сара выбрала лучшей стратегией избегание, хотя это тоже не казалось правильным. Саре грустно было видеть, как старушка взбирается по ступенькам. Она держалась за перила изо всех сил, делая по одному шажку и медленно-медленно преодолевая четыре-пять ступенек, которые вели на крыльцо дома.

«Надеюсь, я в старости такой не стану, — подумала Сара. А потом она вспомнила свой последний разговор с Соломоном. — Кран! Я полью ее из крана! Сначала я подсоединяюсь к крану, а потом выливаю все на нее. — Но нужных чувств не было. — Ладно, попробую еще раз». Все равно она не чувствовала себя подсоединенной. Вместо этого Сара ощутила недовольство.

— Соломон, — взмолилась она, — это очень важно. Тетюшку Зою обязательно нужно полить.

— Соломон не отзывался. — Соломон, ну где ты? — вслух крикнула Сара, не замечая, что тетушка Зои ее увидела и теперь стоит на верхней ступеньке и смотрит на нее.

— С кем ты разговариваешь? — прокаркала она. Сара вздрогнула и смутилась.

— Ни с кем, — ответила она. И заспешила по дорожке, мимо сада тетушки Зои, сейчас представлявшего собой грязное поле, ожидающее весенних посадок. Красная и сердитая, Сара пошла домой.

Глава 20

— Соломон, где ты был вчера? — обиженно спросила Сара, подходя к его обычному насесту.

— Мне была нужна твоя помощь, чтобы подключиться к крану и помочь тетушке Зои почувствовать себя лучше.

— Ты понимаешь, почему у тебя возникли проблемы с подсоединением?

— Нет, Соломон. Почему я не смогла подключиться? Я действительно хотела!

— Почему?

— Я хотела помочь тетушке Зои. Она такая старая и все время путается. У нее в жизни наверняка мало удовольствия.

— Поэтому ты хотела подключиться к потоку, полить из него тетушку Зои, исправить то, что у нее плохо, чтобы она могла быть счастлива?

— Да, Соломон. Ты мне поможешь?

— Я был бы рад помочь тебе, Сара, но боюсь, что это невозможно.

— Почему, Соломон? Что это значит? Она — милейшая старая леди. Тебе она понравится. Уверена, она никогда не делала ничего плохого!

— Уверен, что это так. Тетушка Зои — прекрасная женщина. Причина того, что мы не можем ей помочь в данных обстоятельствах, никоим образом с ней не связана: она в тебе, Сара.

— Во мне? Что я сделала не так?! Я просто хотела ей помочь!

— Именно так, Сара. Именно этого ты и хотела. Но ты берешься за дело так, что у тебя гарантированно ничего не получится. Помни, Сара, твоя задача — подключиться к крану.

— Я знаю, Соломон. Поэтому мне и нужно было, чтобы ты помог мне подключиться.

— Но в этом я не могу тебе помочь. Ты сама должна найти место этого ощущения.

— Я не понимаю.

— Не забывай, что нельзя одновременно быть частью цепочки боли и подключаться к крану Благополучия. Либо одно, либо другое. Когда ты наблюдаешь неприятные обстоятельства, которые вызывают у тебя неприятные чувства, сами эти чувства — сигнал о том, что ты не подключена. А если ты не подключена к природному Потоку Благополучия, тебе нечего дать другим.

— Ужас, Соломон. Это же невозможно. Если я вижу кого-то, кто нуждается в помощи, одно то, что я это вижу, заставляет меня вибрировать так, что я не могу им помочь. Это уже ужасно. Как я вообще могу кому-нибудь помочь?

— Тебе нужно помнить, что самое важное — оставаться подключенной к крану Благополучия, поэтому ты должна удерживать мысли в состоянии, которое вызывает у тебя позитивные чувства. Другими словами, тебе нужно осознавать свою подключенность к крану Благополучия больше, чем окружающие обстоятельства. Это ключ к задаче. Вспомни, что произошло вчера. Расскажи мне о том, что случилось с тетушкой Зои.

— Ладно. Я шла из школы домой и увидела тетушку Зои, которая ковыляла по ступенькам своего дома. Она ужасно хромает. Вообще еле-еле ходит. У нее есть трость из очень старого дерева, на которую она опирается.

— А что случилось потом?

— В общем-то, ничего не случилось. Я просто подумала, как грустно, что она такая калека...

— А что случилось потом?

— Ничего не случилось, Соломон...

— Что ты тогда чувствовала, Сара?

— Я чувствовала себя просто ужасно. Мне было очень жалко тетушку Зои. Она едва может подняться по ступенькам. А потом я испугалась, что могу стать такой же в старости.

— Это самое важное во всей истории, Сара. Когда ты замечаешь, что ощущаешь что-то негативное, это означает, что ты смотришь на обстоятельства, отключающие тебя от крана. Видишь ли, от природы ты к нему подключена. Тебе не нужно работать, чтобы к нему подключиться. Но важно обращать внимание на то, что ты чувствуешь, чтобы знать, когда ты отключаешься. Вот что такое негативные эмоции.

— Но что мне нужно было сделать, чтобы оставаться подключенным?

— Я заметил, что если твоя главная цель — оставаться подключенной, то ты находишь все больше мыслей, которые помогают тебе не отключаться. Но пока ты не поймешь, что именно это важнее всего, большая часть твоей воли будет уходить впустую. Я предложу тебе несколько мыслей, или утверждений, а ты обрати внимание на то, что чувствуешь, когда их слышишь. Подключает ли тебя это утверждение к крану или отключает от него?

— Ладно.

— Посмотрите на эту бедную старушку. Она едва ходит.

— Ну, это грустно, Соломон.

— Не знаю, что и будет с тетушкой Зои. Она уже еле-еле поднимается по ступенькам. Что она будет делать, если ей станет хуже?

— Это меня отключает. Это легко.

— Интересно, куда делись ее дети? Почему они не приходят и не заботятся о ней?

— Я тоже об этом думала, Соломон. И ты прав. Это меня тоже отключает.

— Тетушка Зои — сильная женщина. Думаю, ей нравится ее независимость.

— Хм-м. Эта мысль приятнее.

— Даже если кто-нибудь попытается о ней заботиться, ей это, наверное, не понравится.

— Да, эта мысль тоже ощущается намного приятнее. И, наверное, это правда. Она злится на меня, когда я пытаюсь что-то сделать за нее. — Сара вспомнила, как раздражалась тетушка Зои, когда Сара нетерпеливо пыталась заканчивать за нее предложения.

— Эта замечательная старая женщина прожила долгую, полную событий жизнь. С чего бы я взяла, что она несчастна.

— Это ощущается хорошо.

— Возможно, она живет именно так, как хочет.

— И это тоже.

— Наверное, она может рассказать много интересного о том, что видела в жизни. Я буду заходить к ней время от времени, чтобы послушать.

— Это ощущается очень хорошо! Я думаю, тетушке Зои это понравится.

— Вот видишь, Сара, можно рассматривать один и тот же объект — в данном случае тетушку Зои — и найти много разных обстоятельств, привлекающих внимание. А по тому, что ты чувствуешь, ты можешь определить, удачное ли обстоятельство ты выбираешь.

Настроение Сары намного улучшилось.

— Кажется, я начинаю понимать!

— Да Сара. Я в этом уверен. Теперь, когда ты сознательно хочешь это понять, я ожидаю что у тебя возникнет много возможностей в этом убедиться. Получай удовольствие, Сара.

Глава 21

Дела шли все лучше и лучше. Каждый день хорошего было намного больше, чем плохого.

«Я так рада, что нашла Соломона. Или что Соломон нашел меня, — думала Сара по дороге домой из школы, где за целый день не случилось ни одного неприятного происшествия. — Жизнь действительно становится все лучше».

Она остановилась у своего гнездышка на мосту Мэйн-стрит и, свесившись над быстрой рекой, широко улыбнулась. Ее сердце буквально пело, и в мире Сары в этот день все было хорошо.

Услышав громкие мальчишеские вопли, Сара обернулась и увидела Джейсона и Билли, которые бежали навстречу с невиданной скоростью. Они двигались настолько быстро, что, кажется, даже не заметили ее, когда пронеслись мимо. Она проследила, как они, придерживая шапки, пролетели мимо лавки Хойта. Что-то в том, как они бежали, заставило Сару рассмеяться. Они выглядели довольно глупо, когда носились с такой скоростью, что им приходилось держаться за свои шапки. «Вечно они стремятся достичь сверхзвуковой скорости», — улыбнулась Сара; но она заметила, что они не волновали ее так, как раньше. Они не особенно изменились, если изменились вообще, но больше они ее не раздражали. Не так, как прежде.

Сара помахала мистеру Мэтсону, который, как обычно, с головой залез под капот чьей-то машины, а потом направилась обычной дорогой в рощу Соломона.

— Какой прекрасный день! — произнесла она вслух. День был ясный, с синим небом и ярким солнцем, и Сара вдохнула свежий весенний воздух. Она заметила, что обычно после того, как сходил последний снег и начинали расти весенние травы и цветы, у нее поднималось настроение. Зима в этих краях была долгой, но Сару так радовало не столько окончание зимы, сколько окончание учебного года. Три месяца свободы, ожидавшие ее в скором будущем, всегда заставляли ее радоваться. Но откуда-то она знала, что сегодня ее счастье было связано не с приближением окончания учебного года. Причина была в том, что она нашла свой кран. Она научилась держать его открытым — всегда.

«Как хорошо быть свободной, — подумала Сара. — Как хорошо — хорошо себя чувствовать. Как хорошо ничего не бояться».

— ИИИИИИ! — завизжала она, подпрыгнув высоко в воздух, чтобы не наступить на самую большую змею, которую когда-либо видела; змея вытянулась во всю свою бесконечную на первый взгляд длину поперек дороги. Приземлившись по другую сторону от нее, Сара бежала как сумасшедшая целый квартал, не останавливаясь, пока не осознала, что змея осталась далеко позади.

— Ну, может быть, я и не настолько бесстрашна, как думала, — посмеялась она над собой. А потом засмеялась еще громче, потому что поняла, почему Джейсон и Билли так разогнались и почему не хотели остановиться и поприставать к ней. Она все еще смеялась и тяжело дышала, когда входила в рощу Соломона. Соломон терпеливо ждал ее.

— Что ж, Сара, сегодня ты полна вновь обретенного энтузиазма?

— Соломон, со мной происходит нечто очень странное! Именно тогда, когда я думаю, что наконец-то что-то поняла, происходит что-нибудь, что заставляет меня понять, что я ничего не понимаю. Именно тогда, когда я решаю, что стала смелой и уже ничего не боюсь, появляется нечто, что пугает меня до смерти. Все это очень странно, Соломон.

— Не похоже, чтобы ты была испугана до смерти.

— Ну, это я немного преувеличила, потому что, как видишь, я не мертвая...

— Я имел в виду, что ты не выглядишь испуганной. Ты скорее смеешься, а не боишься.

— Это сейчас я смеюсь, но не смеялась, когда эта огромная змея лежала у меня на дороге и выжидала момент, чтобы меня укусить. Я как раз сама себе сказала, что теперь я стала смелой и бесстрашной, — а в следующий момент перепуталась и побежала, как заяц.

— Ах, вот оно что, — отозвался Соломон. — Сара, не нужно быть к себе такой строгой. Совершенно нормально бурно и эмоционально реагировать, когда ты сталкиваешься с обстоятельствами, которые тебе почему-либо неприятны. Направление твоих вибраций, то есть центр твоего внимания, определяется не твоей первоначальной реакцией, а тем, что ты делаешь потом и что оказывает продолжительное действие.

— Что ты имеешь в виду?

— Почему, по-твоему, змея так тебя напугала?

— Потому что это змея! Змеи страшные! Змеи кусаются и могут отравить своим ядом, даже убить. А некоторые обвиваются вокруг человека и ломают ребра, и душат его, — гордо изложила Сара, вспомнив подробности пугающего фильма про природу, который видела в школе.

Она остановилась, чтобы перевести дыхание и немного успокоиться. Глаза у нее горели, а сердце отчаянно билось.

— Сара, как ты думаешь, слова, которые ты сейчас говоришь, заставляют тебя чувствовать себя лучше или хуже?

Саре пришлось остановиться и поразмыслить, потому что она ни секунду не думала о том, как ее слова на нее влияют. Она просто жаждала рассказать, как относится к змеям.

— Вот видишь, Сара, это я и имел в виду, когда говорил, что важно то, что ты делаешь потом. Пока ты говоришь об этой змее и других змеях, и обо всем том плохом, что змеи могут сделать, ты удерживаешь себя в данной вибрации, и становится все вероятнее, что ты будешь притягивать другие неприятные происшествия со змеями.

— Но что же мне делать, Соломон? Эта огромная старая змея просто лежала там. А потом я ее увидела. Я на нее чуть не наступила. А ведь неизвестно, что бы она могла мне сделать...

— Вот опять. Сара, ты снова представляешь нечто нежелательное и держишься за образ в своих мыслях.

Сара замолчала. Она знала, о чем говорит Соломон, но не знала, что с этим делать. То, что змея была тако-о-ой большой, и тако-о-ой страшной, и та-а-ак близко, лишало ее возможности найти другой подход к ситуации.

— Хорошо, Соломон, расскажи мне, что бы ты сделал, если бы был маленькой девочкой, которая едва не наступила на большую змею.

— Для начала, Сара, следует помнить, что твоя цель в первую очередь всегда — найти лучшее место чувства. Если у тебя появляется какая-то другая цель, ты сходишь с пути. Если ты будешь пытаться понять, где остальные змеи, тебе станет хуже. Если ты решишь приложить все усилия, чтобы больше никогда не оказаться так близко от змеи, тебя это будет подавлять. Если ты попытаешься научиться различать змей, чтобы делить их на опасных и неопасных, ты столкнешься с невыполнимой задачей — разобраться, во всем. Погружение в обстоятельства только ухудшает ситуацию. Твоя единственная цель — попытаться подойти к задаче так, чтобы почувствовать себя лучше, чем когда ты подпрыгнула и побежала прочь от змеи.

— Как мне это сделать, Соломон?

— Ты можешь сказать себе, например: «Эта огромная змея просто греется на солнышке. Она даже не посмотрела на меня, когда я бежала мимо. У нее много других дел, и ей совершенно незачем кусать девочек».

— Да, это ощущается немного лучше. А что еще?

— Я осторожна, — продолжил Соломон. — Хорошо, что я увидела змею, или почувствовала ее, и перепрыгнула через нее, не потревожив. Змея поступила бы так же.

— Поступила бы? Откуда тебе это знать?

— Змеи живут везде вокруг. Они живут в реке. Ползают в траве. Когда ты проходишь мимо, они убираются с твоей дороги. Они понимают, что места вокруг достаточно для всех. Они понимают совершенное равновесие планеты. У них краны открыты, Сара.

— У змей есть краны?!

— Разумеется. У всех животных этой планеты есть краны. И они широко открыты почти

постоянно.

— Хм-м-м, — задумалась Сара. Теперь она чувствовала себя намного лучше.

— Вот видишь, Сара, насколько лучше ты себя сейчас чувствуешь? Ничего не изменилось. Змея все так же лежит там, где ты ее видела. Обстоятельства не менялись. Но твои ощущения изменились.

Сара знала, что Соломон прав.

— Теперь, думая о змеях, ты будешь испытывать позитивные эмоции. Твой кран будет открыт, и их краны тоже. И ты будешь по-прежнему жить в гармонии.

У Сары ярко заблестели глаза от нового понимания.

— Ладно, Соломон. А теперь я пойду. Увидимся завтра.

Соломон улыбнулся, глядя, как Сара шагает по тропинке. А она вдруг остановилась и крикнула через плечо:

— Как ты думаешь, я когда-нибудь еще испугаюсь змей?

— Может быть. Но если ты и испугаешься, ты знаешь, что с этим делать.

— Да, — усмехнулась Сара, — я знаю.

— И, в конце концов, — добавил Соломон, — твой страх полностью пройдет. Не только страх змей, но страх вообще.

По дороге из рощи домой Сара вглядывалась в молодую весеннюю траву вдоль тропинки и гадала, сколько змей в ней прячется. Сначала ее слегка передернуло от пугающей мысли о том, что змеи прячутся в кустах вдоль всех ее тайных тропинок, но потом она подумала, что они очень вежливо держались от нее подальше и не на виду. Очень вежливо было с их стороны не показываться и не пугать ее, как делали иногда Джейсон и Билли.

Сара улыбнулась, входя во двор своего дома. Она чувствовала себя сильной, победительницей. Было так здорово оставить страхи позади. Очень-очень здорово.

Глава 22

— Сара! Сара! Ты не поверишь! Угадай, что случилось? Мы нашли Соломона!

«Не может быть!» — подумала Сара, замерев как вкопанная посреди улицы, а Джейсон и Билли мчались к ней на велосипедах.

— Что значит — вы нашли Соломона? Где вы его нашли?

— Мы нашли его на Такерс-Трейл. И знаешь, что еще? — гордо объявил Джейсон. — Мы его застрелили!

Сара ощутила такую слабость, что едва не упала. Ее колени подогнулись.

— Он просто сидел на столбе, поэтому мы вспугнули его в небо, а потом Билли застрелил его из ружья. Это было потрясающе, Сара! Но он не такой большой, как мы думали. Одни перья.

Сара не могла поверить своим ушам. Ее чуть с ног не сбilo этой новостью, а Джейсон только и мог тараторить о том, что Соломон оказался не так велик, как им казалось? Саре мерещилось, что у нее сейчас голова взорвется. Она уронила сумку на землю и побежала так быстро, как никогда не бегала раньше, в рощу Соломона.

— Соломон! Соломон! Где ты, Соломон? — отчаянно закричала она.

— Я здесь, Сара. Не волнуйся.

Соломон лежал перед ней ворохом перьев.

— О, Соломон! — воскликнула Сара, падая на колени прямо в снег. — Что они с тобой сделали!

Соломон был в ужасном состоянии. Его неизменно аккуратные перья теперь были все вstopорщены и торчали во все стороны, а чистый белый снег вокруг него был красным от крови.

— Соломон, Соломон, что мне делать?

— Ничего серьезного не случилось.

— Но ты же истекаешь кровью. Только посмотри, сколько ее. С тобой все будет в порядке?

— Конечно, Сара. Все всегда в порядке.

— Соломон, не надо этой ерунды про «все всегда в порядке»! Я своими глазами вижу, что все совсем не в порядке!

— Сара, подойди ко мне, — сказал Соломон.

Сара подползла к Соломону, положила руку ему под спину и погладила перья под клювом. Она впервые прикоснулась к нему, и он казался таким мягким и ранимым. Слезы полились по ее щекам.

— Сара, не нужно путать эту помятую кучку костей и перьев с тем, что такое Соломон на самом деле. Это тело — всего лишь фокусная точка, точка зрения, для гораздо большего содержимого. И твоё тело такое же, Сара. Твоё тело — это не то, что ты на самом деле думаешь. Это только точка зрения, которую ты сейчас используешь, чтобы позволить твоей настоящей сути играть, расти и развиваться.

— Но, Соломон, я же люблю тебя. Как я буду без тебя?

— Откуда ты взяла такую ерунду? Соломон никуда не денется. Соломон вечен!

— Но ты же умираешь! — выговорила Сара, испытывая боль сильнее, чем когда-либо.

— Послушай меня, Сара. Я не умираю, потому что смерти нет. Я действительно больше не буду использовать это тело, оно все равно становилось старым и несколько малоподвижным. У меня шея болела с тех пор, как я попытался повернуть голову на триста шестьдесят градусов, чтобы позабавить внуков Тикера.

Сара засмеялась сквозь слезы. Соломон почти всегда мог рассмешить ее, даже в самые плохие времена.

— Сара, наша дружба — это навсегда. А значит, каждый раз, когда тебе захочется поболтать с Соломоном, тебе нужно только определить, о чем ты хочешь поговорить, сосредоточиться на этом, привести себя в место очень хороших чувств — и я сразу же окажусь рядом с тобой.

— Но как я тебя увижу, Соломон? Я смогу видеть тебя и прикасаться к тебе?

— Вероятно, нет. По крайней мере, некоторое время. Но наши отношения все равно с этим не связаны. Мы с тобой друзья по разуму.

И с этими последними словами исковерканное тело Соломона расслабилось, и его большие глаза закрылись.

— Нет! — Голос Сары эхо разнесло над полем. — Соломон, не оставляй меня!

Но Соломон молчал.

Сара встала, глядя сверху вниз на тело Соломона, лежащее на снегу. Он выглядел таким маленьким; ветер слегка колыхал его перья. Сара сняла пальто и расстелила на снегу рядом с Соломоном. Потом осторожно переложила птицу на него и плотно завернула. А потом, не обращая внимания на то, что было очень холодно, Сара понесла Соломона по дороге из Такерс-Трейл.

— Сара, наша дружба — это навсегда. А значит, каждый раз, когда тебе захочется поболтать с Соломоном, тебе нужно только определить, о чем ты хочешь поговорить, сосредоточиться на этом, привести себя в место очень хороших чувств — и я сразу же окажусь рядом с тобой, — снова сказал Соломон, но Сара его не услышала.

Глава 23

Сара не знала, что делать и как объяснять родителям, кто такой Соломон, и то, каким важным другом он стал для нее. У нее голова шла кругом, и она была полна сожалений о том, что не рассказывала семье ничего о своем друге-филине, потому что теперь не представляла, как объяснить размеры постигшей ее трагедии. Она полностью обратилась за поддержкой и утешением к Соломону и практически разорвала подобные связи со своей семьей; а теперь, столкнувшись с утратой, она была совершенно одинока, и обратиться ей было не к кому.

Она не знала, что делать с Соломоном. Земля была все еще промерзшей и твердой, и у Сары не получилось бы выкопать могилу. Мысль о том, чтобы бросить его в угольную печь, как поступал ее отец с мертвыми птичками и мышами, была слишком ужасна, чтобы на ней останавливаться.

Сара все еще сидела на крыльце своего дома, держа Соломона в руках, со слезами, льющимися по щекам рекой, когда машина ее отца резко остановилась на подъезде к дому. Он выскочил из нее с мокрой сумкой Сары и растрепанной стопкой книг в руках. Сара совершенно забыла о своих вещах, которые остались на обочине.

— Сара, мистер Мэтсон позвонил мне на работу. Он нашел твою сумку и книги на обочине. Мы думали, с тобой что-то случилось! Что с тобой?

Сара вытерла мокрое лицо, смущенная тем, что отец увидел ее в таком состоянии. Она хотела как-нибудь спрятать Соломона, продолжать сохранять его в тайне, но в то же время ей так сильно хотелось получить утешение, рассказав все отцу.

— Сара, что случилось? Что с тобой, милая?

— Папа, — всхлипнула Сара, — Джейсон и Билли убили Соломона.

— Соломона? — переспросил папа, и Сара развернула пальто, показывая ему своего мертвого друга.

— О, Сара, мне так жаль. — Он не представлял, почему мертвый филин так ей важен, но было очевидно, что для Сары его смерть — настоящая трагедия. Он никогда не видел свою дочь в таком состоянии. Он хотел бы обнять ее и развеселить, но знал, что то, что произошло, так просто не исправишь.

— Сара, дай мне Соломона. Я выкопаю для него могилу за курятником. Иди в дом и согрейся.

Только тогда Сара поняла, как сильно замерзла. Она неохотно отпустила свою драгоценную ношу и переложила Соломона в руки отца. Она чувствовала себя очень слабой, очень грустной и очень-очень усталой. Она так и осталась сидеть на ступеньках, глядя на то, как отец осторожно уносит ее прекрасного Соломона. Сара слабо улыбнулась сквозь слезы, заметив, как серьезно и аккуратно отец несет пернатый комок, каким-то образом поняв, насколько он ценен.

Сара рухнула на свою кровать, не раздеваясь. Она сбросила ботинки на пол и долго всхлипывала в подушку, а потом заснула.

Глава 24

Сара стояла в странной роще: ее окружали прекрасные весенние цветы, повсюду летали яркие птицы и бабочки.

— Итак, Сара, похоже, нам о многом нужно сегодня поговорить, — сказал Соломон.

— Соломон! — радостно крикнула Сара. — Соломон, ты не умер, не умер! О, Соломон. Я так рада тебя видеть!

— Чему ты так удивляешься? Я же говорю тебе, что смерти нет. О чем ты сейчас хочешь поговорить? — спокойно спросил Соломон, как будто не произошло ничего из ряда вон выходящего.

— Я знаю, Соломон, ты говоришь, что смерти нет, но ты выглядел мертвым. Ты был безвольным и тяжелым, у тебя были закрыты глаза, и ты не дышал.

— Видишь ли, Сара, ты просто привыкла видеть Соломона в определенном образе. Но теперь у тебя есть возможность рассматривать его более широко, потому что ты хочешь этого гораздо больше, чем раньше. Теперь ты видишь его во вселенском образе.

— Что ты имеешь в виду?

— Большинство людей видят окружающий мир только физическими глазами, но ты обладаешь возможностью взглянуть на него более широко — глазами настоящей Сары, которая живет внутри физической.

— Ты хочешь сказать, что есть другая Сара, которая живет внутри меня, как ты — Соломон, который живет внутри моего Соломона?

— Да, Сара, именно так. И эта Внутренняя Сара живет вечно. Внутренняя Сара никогда не умрет, как не умрет и Внутренний Соломон, которого ты видишь сейчас.

— Я рада это слышать. Я тебя увижу снова завтра, на Такерс-Трейл?

— Нет, Сара, меня там не будет. Сара нахмурилась.

— Но только подумай, Сара! Ты можешь поболтать с Соломоном всегда, когда захочешь. Неважно, где ты находишься. Тебе больше не нужно ходить в рощу. Тебе нужно только подумать о Соломоне — и вспомнить, какие ощущения вызывают у тебя встречи с Соломоном, — и я немедленно окажусь рядом с тобой.

— Ладно, это лучше, Соломон. Но мне нравилось ходить в рощу. Ты уверен, что не вернешься туда, чтобы все было, как раньше?

— Наш новый способ встреч понравится тебе еще больше, чем встречи в роще. Теперь для нашего общения нет ограничений. Вот увидишь, нам будет весело.

— Хорошо, Соломон. Я тебе верю.

— Спокойной ночи, Сара.

— Соломон! — воскликнула Сара, не желая, чтобы Соломон так быстро ее покидал.

— Что, Сара?

— Спасибо тебе, что не умер.

— Спокойной ночи. Все хорошо.

Часть II

После смерти Соломона

Глава 25

— Соломон, разве ты не злишься на Джейсона и Билли за то, что они тебя застрелили?

— Зачем, Сара? Зачем мне на них злиться?

— Но ведь они же застрелили тебя! — изумленно ответила Сара. Как Соломон мог не понять ее вопроса, и как он мог не злиться за такой ужасный поступок?

— Нет, Сара. Когда я думаю о Джейсоне и Билли, я просто благодарен им за то, что они привели тебя ко мне.

— Но разве ты не думаешь, что то, что они тебя застрелили, намного значительнее?

— Единственное, что имеет значение, — то, что я чувствую себя хорошо. И я не могу чувствовать злость по отношению к ним и в то же время чувствовать себя хорошо. Важнее всего держать кран открытым, поэтому я всегда выбираю приятные мысли.

— Подожди-ка. Ты хочешь сказать, что независимо от того, какой человек плохой и какие ужасные поступки он совершает, ты все равно об этом не думаешь? Неужели никто никогда

не делал ничего настолько ужасного, чтобы ты на него разозлился?

— Они хотели как лучше.

— Да ну, Соломон! Они тебя застрелили! Насколько плох должен быть поступок, чтобы ты понял, что он плохой?

— Позволь мне задать тебе один вопрос. Как ты думаешь, если я действительно сильно разозлюсь на Джейсона и Билли, они перестанут стрелять во все подряд?

Сара замолчала. Она не думала, что гнев Соломона на что-нибудь повлияет. Она много раз злилась на мальчишек за то, что они стреляют в животных, но это никогда их не останавливало.

— Нет, Соломон. Не думаю.

— Ты можешь представить цель, которой служит мой гнев?

Сара подумала и об этом.

— Если я разозлюсь на них, то ты, вероятно, ощутишь, что твой собственный гнев более оправдан, но так я только присоединюсь к твоей цепочке боли, а в этом нет ничего хорошего.

— Но, Соломон, — возразила Сара, — это просто кажется...

— Сара, — прервал ее Соломон, — мы можем весь день и всю ночь обсуждать, какие поступки правильны, а какие — нет. Ты можешь остаток своей жизни посвятить попыткам понять, какое поведение соответствует ситуации, а какое — нет, и при каких условиях оно соответствует, а при каких — нет. Но я уже знаю, что любое время, даже одна-единственная минута, потраченная на попытки оправдать то, что я чувствую себя плохо, — это пустая трата жизни. А кроме того, я знаю, что чем быстрее я попадаю в место хорошего чувства, тем лучше становится моя жизнь — и тем больше я могу предложить другим. Поэтому благодаря тому, что я многое, пережил и многое испытал, я узнал, что могу выбирать мысли, которые закрывают мой кран, а могу выбрать и мысли, которые его открывают, — но в обоих случаях выбор за мной. Поэтому я давно отказался от обвинений в адрес таких вот Джексонов и Билли, ведь мне это не помогает, и им тоже.

Сара молчала. Ей нужно было об этом подумать. Она уже решила, что никогда не простит Джейсону этот ужасный поступок, и тут вдруг Соломон не хочет присоединяться к ней в ее обвинениях.

— Помни, Сара: если ты позволяешь окружающим тебя обстоятельствам управлять тем, как ты себя чувствуешь, ты всегда будешь в ловушке. Но если ты можешь управлять тем, как себя чувствуешь, сама, — потому что управляешь своими мыслями, — тогда ты действительно освобождаешься.

Сара вспомнила, что уже слышала от Соломона что-то подобное, но, с другой стороны, она тогда не сталкивалась ни с чем таким серьезным. Почему-то это казалось слишком огромным, чтобы можно было простить.

— В этом огромном мире, где так много людей и у каждого свое представление о правильном и неправильном, ты часто будешь сталкиваться с поведением, которое может показаться тебе неправильным. Собираешься ли ты требовать, чтобы все эти люди изменили свое поведение только для того, чтобы угодить тебе? Захочешь ты это делать, даже если сможешь?

Мысль о том, чтобы все вели себя так, как ей нравится, действительно была Саре в чем-то

приятна, но на самом деле она понимала, что это маловероятно.

— Ну, наверное, нет.

— Тогда какой у тебя выход? Скрыться от мира, отгородиться и не видеть их поведения, отличного от твоего, и стать пленницей в таком прекрасном мире?

Такой вариант Саре не нравился, но она узнала остатки своего поведения из не такого уж далекого прошлого, когда она часто мысленно отдалялась от окружающих, забиралась в свой собственный разум, оставляя всех или почти всех людей снаружи. «Не лучшие были времена», — вспомнила Сара.

— Сара, если ты держишь свой кран открытым, несмотря ни на что, ты испытываешь огромную радость. Когда ты сумеешь признать, что у множества людей разные пристрастия, разные убеждения, разные желания и разные поступки, и когда ты поймешь, что все это складывается в одно совершенное целое, и что ничто из этого тебе не угрожает, потому что единственное, что на тебя влияет, — это то, что ты делаешь со своим краном, — то ты двигаешься по жизни свободно и радостно.

— Но ведь Джейсон и Билли тебе не просто угрожали. Они тебя застрелили. Они тебя убили!

— Ты все еще не можешь переступить через это? Разве ты не видишь, что я не умер? Сара, я жив. Неужели ты думаешь, что мне хотелось бы жить в том усталом, старом теле филина вечно?

Сара знала, что Соломон ее дразнит, потому что он не казался старым или усталым.

— Я с великой радостью освободился от того физического тела, зная, что если захочу, то могу перелить свою энергию в другое, более молодое, сильное и быстрое.

— Ты хочешь сказать, что хотел, чтобы они тебя застрелили?

— Это сотворчество, Сара. Именно поэтому я позволил им себя увидеть. Так что они смогли вместе со мной создать это очень важное переживание. Не только для меня, но и для тебя, Сара.

Сару настолько захватило все то, что происходило с тех пор, как застрелили Соломона, что у нее не оставалось времени задуматься, как Джейсон и Билли смогли увидеть его.

— Важно понимать две вещи. Во-первых, все всегда идет хорошо, даже если тебе с твоей физической точки зрения кажется иначе. И, во-вторых, когда твой кран открыт, с тобой случается только хорошее. Сара, постарайся быть благодарной Джейсону и Билли так же, как и я. Тебе станет намного лучше.

«Когда рак на горе свистнет», — подумала Сара. И тут же рассмеялась над своим негативным ответом.

— Раз ты так говоришь, я об этом подумаю. Но это настолько отличается от всего, о чем я думала раньше. Меня всегда учили, что, когда кто-то совершает что-то плохое, он должен быть наказан.

— Проблема в том, что всем вам трудно решить, кто будет определять, что хорошо, а что плохо. Большинство людей считают, что правы, именно они; поэтому остальные неправы. Физические существа убивали друг друга годами, споря об этом. И, несмотря на войны и убийства, которые происходили на планете на протяжении тысяч лет, вам все еще предстоит достичь согласия.

— Вам всем станет намного лучше, если вы будете обращать внимание только на собственные краны. Жизнь сразу станет намного лучше.

— Ты думаешь, что люди смогут узнать о своих кранах? Думаешь, все этому научатся? — Сара была поражена масштабом этой мысли.

— Это не имеет значения, Сара. Единственное, что имеет значение для тебя, — чтобы ты этому научилась.

Это было уже не таким масштабным.

— Хорошо, Соломон. Я над этим поработаю.

— Спокойной ночи, Сара. Наша встреча доставила мне огромное удовольствие.

— Мне тоже, Соломон. Спокойной ночи.

Глава 26

Джейсон и Билли промчались мимо Сары на велосипедах, выкрикивая что-то обидное и неслышное. Сара улыбнулась, когда они проехали мимо а потом ощутила некоторое удивление, потому что поняла, что они бы ее огорчили, если бы не были такими плохими, как сейчас, и что каким-то странным образом они трое были со-творцами в игре в которую они всегда играли вместе. Игра называлась: «Я твой противный младший брат, а это мой невыносимый дружок, и наша задача — сделать твою жизнь ужасной во всем, а твоя работа — отвечать на это обидой».

«Странно, — подумала Сара. — Они не должны доставлять мне удовольствие. Что же происходит?»

Продолжая идти к дому, Сара по привычке едва не свернула в рощу Соломона, ненадолго забыв, что их встречи теперь проходят не там. Эта мысль напомнила Саре о том, что Соломона застрелили, а это в свою очередь, — о реакции Соломона на то, что его застрелили двое противных мальчишек. И тут на Сару снизошло прозрение.

«Джейсон и Билли застрелили Соломона, но Соломон все равно их любит. Соломон умеет держать свой кран открытым даже в этих обстоятельствах. Так, может быть, я тоже учусь держать свой кран открытым? Может быть, моя жизнь стала наконец настолько важна для меня, что меня не волнует то, что делают или говорят другие».

По ее коже пробежали мурашки. Она почувствовала себя легкой и звонкой — и поняла, что осознала нечто очень важное.

— Очень хорошо, Сара. Я всем сердцем с тобой согласен, — услышала она голос Соломона.

— Привет, Соломон. Где ты? — спросила Сара, все еще желая увидеть Соломона, смотреть на него во время разговора.

— Я здесь, Сара, — ответил Соломон, легко обходя вопрос и переходя к более важным делам. — Ты только что открыла самую важную тайну жизни. Ты приходишь к пониманию того, что такое безусловная любовь.

— Безусловная любовь?

— Да, Сара, ты начинаешь понимать, что ты любишь; ты — физическое воплощение чистой позитивной Не-физической Энергии, то есть любви. И когда ты можешь позволить этой чистой Энергии любви течь, несмотря ни на что, вопреки окружающим тебя обстоятельствам — ты достигаешь безусловной любви. Тогда, и только тогда, ты становишься настоящим продолжением того, кто ты такая на самом деле и кем ты стала. Тогда, и только тогда, ты по-настоящему выполняешь цель своего существования. Это очень хорошо, Сара.

Сара почувствовала, как поднимается ее настроение. Она не до конца понимала все величие того, что говорил ей Соломон, но могла определить по тому, с каким энтузиазмом он это говорил, что это по настоящему важно, и она была уверена, что Соломон ею очень доволен.

— Что ж, Сара, я знаю, что для тебя это звучит несколько странно вот так сразу. Для большинства людей это совершенно новый взгляд на вещи, но пока ты не поймешь это, ты никогда не будешь по-настоящему счастлива. По крайней мере, надолго. Сядь и просто послушай, а я объясню тебе, как это работает.

Сара нашла сухое, освещенное солнцем местечко и уселась, приготовившись слушать Соломона. Ей нравился звук его голоса.

— Это Поток чистой позитивной Энергии, которая течет к тебе все время. Некоторые могут назвать ее Жизненной Силой. Ей дают самые, разные названия, но именно этот Поток Энергии создал твою планету. И именно Поток Энергии продолжает поддерживать ее существование. Этот Поток Энергии позволяет планете вращаться на ее орбите в совершенном согласии с остальными планетами. Этот Поток поддерживает совершенное равновесие твоей микробиологии. Этот Поток поддерживает идеальное равновесие воды на планете. Этот Поток заставляет биться твое сердце, даже когда ты спишь. Это прекрасный, мощный Поток Благополучия, и он течет к каждому из вас в каждую минуту дня и ночи.

— Вот это да, — вздохнула Сара, пытаясь осознать прекрасный могучий Поток.

— Как любой человек, живущий на этой планете, ты в любой момент можешь позволить Потoku течь к тебе — или сопротивляться ему. Ты можешь позволить ему течь к тебе и сквозь тебя или оттолкнуть его.

— Почему кто-то может не захотеть принять Поток?

— О, все его хотели бы принять. Сара, если бы понимали его. И никто не сопротивляется ему намеренно. У них просто есть привычки, которые они переняли друг от друга и которые оказывают сопротивление Потoku Благополучия.

— Какие, например?

— Видишь ли, главное, что заставляет людей сопротивляться Потoku Благополучия, — то, что они видят следы, оставленные теми, кто раньше сопротивляются Потoku.

Сара выглядела озадаченной. Она пока не совсем это понимала.

— Видишь ли, Сара, когда ты обращаешь на что-то внимание, ты начинаешь вибрировать так же, как этот объект, только потому, что ты на него смотришь, в то время, когда на него смотришь. Поэтому, если ты смотришь, например, на болезнь, то в то время, когда ты смотришь на нее, говоришь о ней или думаешь о ней, ты не допускаешь к себе Поток Благополучия. Чтобы впустить Благополучие, нужно смотреть на Благополучие.

Сара начала понимать.

— А! Это как та штука, про птиц одного полета, о которой мы говорили раньше?

— Именно так, Сара. Все дело в Законе Притяжения. Ест ты хочешь притягивать благополучие, тебе, нужно вибрировать благополучием. Но если ты обращаешь внимание на чью-то болезнь, ты не можешь в то же время допустить к себе благополучие.

Сара, размышляя о словах Соломона, наморщила лоб:

— Но я думала, что мы должны помогать больным. А как я им помогу, если не буду на них смотреть?

— Смотреть на них можно, Сара, но нельзя видеть в них больных. Рассматривай их как выздоравливающих. А еще лучше — рассматривай их как здоровых, или вспоминай, какими они были, когда были здоровыми. Так они не станут причиной остановки течения Потока в тебе. Людям непросто это слышать, потому что они так склонны к условностям в окружающем их мире. Если бы они только знали, что, когда они смотрят на то, что вызывает у них негативные эмоции, это ощущения оказывается сигналом того, что они только что отвергли Поток Благополучия. Не думаю, что столько людей с такой готовностью смотрели бы на то, что вызывает у них негативные эмоции. Всего на момент постарайся не пытаться понять, что делают остальные люди. Просто послушай. Есть только один постоянный, ровный Поток Благополучия, и он течет к тебе все время. Когда ты чувствуешь себя хорошо, ты пропускаешь Поток в себя, а когда ты чувствуешь себя плохо, ты не пропускаешь его. Теперь ты понимаешь, что больше всего хочешь делать?

— Я хочу чувствовать себя счастливой как можно чаще.

— Хорошо. Допустим, ты смотришь телевизор, и происходит что-то, по поводу чего ты испытываешь негативные чувства.

— Например, в кого-нибудь стреляют или убивают, или происходит несчастный случай?

— Да. Когда ты видишь это, Сара, и чувствуешь себя плохо, понимаешь ли ты, что произошло?

Сара широко улыбнулась.

— Да, Соломон. Я сопротивляюсь Поток.

— Именно так, Сара! Каждый раз, когда ты испытываешь негативные эмоции, ты сопротивляешься Поток. Каждый раз, когда ты говоришь «нет», ты отталкиваешь, сопротивляешься Поток. Когда кто-то говорит «нет» раку, он на самом деле отталкивает Поток Благополучия. Когда кто-то говорит «нет» убийствам, он на самом деле отталкивает Поток Благополучия. Когда кто-то говорит «нет» нищете, он на самом деле отталкивает Поток Благополучия — потому что, когда ты обращаешь внимание на то, чего не хочешь, ты вибрируешь этим, а это значит, что ты сопротивляешься тому, что хочешь. А значит, ключ в том, чтобы определить, чего ты не хочешь, но сделать это быстро. А затем обратиться к тому, что ты хочешь, и сказать «да».

— И все? Только это и нужно сделать? Просто говорить «да» вместо «нет»! — Сара поверить не могла, настолько просто это звучало. — Соломон, это так легко! Я могу это сделать! Кто угодно может!

Соломону нравился энтузиазм Сары по поводу нового знания.

— Да, Сара, ты можешь это сделать. И именно этому ты будешь учить других. Потренируйся несколько дней. Обращай внимание на себя и тех, кто тебя окружает, и заметь, как умело многие из них говорят «нет» гораздо чаще, чем «да». Наблюдая, ты со временем начнешь понимать, что делают люди, сопротивляясь естественному Благополучию. Получай

удовольствие, Сара.

Глава 27

Весь следующий день мысли Сары то и дело возвращались к тому, о чем они с Соломоном разговаривали в последний раз. Сару приводило в восторг понимание того, что Соломон считал настолько важным; но чем больше времени проходило со времени их разговора, тем больше она теряла уверенность в том, что поняла, чему Соломон пытался ее научить. Однако Сара помнила, что Соломон поощрял ее наблюдать за другими, смотреть, насколько чаще они говорят «нет», чем «да», и поэтому она решила обращать на это пристальное внимание.

— Сара, не опаздывай сегодня, — предупредила мама. — У нас будут гости к ужину, и мне понадобится твоя помощь. Не хотим же мы, чтобы наши гости пришли в грязный дом, правда?

— Ладно, — сказала Сара. Принимать гостей ей не нравилось. Совсем не нравилось.

— Сара, я серьезно говорю: не опаздывай!

Сара остановилась в дверях, приятно удивленная тем, что уже нашла одно свидетельство слов Соломона — так рано утром. Она двигалась медленно, уставившись в пространство, повторяя то, что помнила из слов Соломона, и не замечая, что впускает холодный воздух в гостиную через распахнутую дверь.

— Сара! Не стой в дверях, ты все тут выстудишь! Ради бога, иди уже. Ты опоздаешь в школу.

«Ух ты!» — подумала Сара. Потрясающе. Ее мама только что, всего за две минуты, произнесла пять четких утверждений о том, чего она не хотела, но при этом Сара не помнила ни одного, в котором мама говорила бы о том, чего хочет. А самое поразительное — что мама даже не замечала, что делает!

Отец Сары как раз закончил расчищать снег перед домом, когда Сара спрыгнула со ступенек.

— Осторожнее, Сара. Дорога скользкая. Ты же не хочешь упасть.

Сара ухмыльнулась от уха до уха. «Ух ты, — подумала она. — Потрясающе!»

— Сара, ты меня слышала? Я сказал: смотри под ноги, а то упадешь.

Конечно, отец Сары не произносил «нет», но его слова совершенно точно указывали на то, чего он не хотел.

У нее голова шла кругом. Она хотела сказать то, что хотела.

— Я в порядке, пап, — сказала она. — Я никогда не падаю.

«Упс, — подумала она. — Это не совсем «да»». Желая подать лучший пример своему отцу, Сара остановилась, повернулась к нему лицом и сказала:

— Спасибо, папа, что расчищаешь дорожку, чтобы она была чистой, и я не упала на ней. — Она тут же рассмеялась вслух, услышав свои слова, потому что, даже когда она намеренно хотела сказать «да», она все равно говорила о том, чтобы не падать. «Ого, — подумала Сара, — это не так просто. — И тут же снова засмеялась над собой. — Не так просто. Я вижу, что

ты имел в виду, Соломон».

Сара была всего в сотне метров от своего двора, когда услышала, как хлопает дверь дома, и, обернувшись, увидела Джейсона, который неся на всех парах, держа сумку в одной руке, а другой придерживая шапку. По тому, как быстро он бежал, и по злорадному блеску у него в глазах Сара понимала, что он собирается врезаться в нее сзади, как делал уже множество раз, ровно настолько сильно, чтобы она потеряла равновесие и разозлилась на него. И, предчувствуя это, Сара закричала изо всех сил:

— Джейсон, не смей... Джейсон, нет, нет! Джейсон, не делай этого!

«Ой, — подумала она. — Я опять это делаю. «Нет» выскакивает из меня само собой, даже когда я этого не хочу. Не хочу? Ну вот, опять». Она была почти в отчаянии. Она не могла управлять собственными словами. Джейсон толкнул ее и продолжал бежать; теперь он был на квартал впереди, и Сара начала расслабляться, возвращаясь к обычному состоянию спокойной прогулки в школу, и размышлять о тех потрясающих событиях, которые наблюдала в прошедшие десять минут. Сара решила составить список «нет», которые услышала, чтобы позднее разобрать их вместе с Соломоном. Достав из сумки блокнот, Сара написала:

НЕ ОПАЗДЫВАТЬ

НЕ ХОЧУ ГРЯЗНЫЙ ДОМ

НЕ ВПУСКАЙ ХОЛОДНЫЙ ВОЗДУХ

НЕ ОПАЗДЫВАЙ В ШКОЛУ

НЕ ХОЧЕШЬ УПАСТЬ

НЕ ТАК ПРОСТО

ДЖЕЙСОН, НЕ СМЕЙ

Сара услышала, как мистер Йоргенсен кричит на двух мальчишек из ее класса: «Не смейте бегать по коридорам!» Она записала в блокнот и это. Она стояла возле своего шкафчика, когда другой учитель, проходя мимо нее, бросил: «Поторопись, а то опоздаешь на урок». И это она тоже записала.

Сев за парту, Сара старалась настроиться на очередной долгий школьный день, когда вдруг увидела потрясающий список, висящий на стене класса перед ней. Он висел там весь год, но раньше Сара не обращала на него внимания. Не то чтобы она обратила внимание сейчас. Она едва могла поверить своим глазам. Достав блокнот, она принялась переписывать то, что читает:

НЕ РАЗГОВАРИВАТЬ В КЛАССЕ

НЕ ЖЕВАТЬ ЖВАЧКУ

НЕ ПИТЬ И НЕ ЕСТЬ В КЛАССЕ

НЕ РАЗРЕШАЕТСЯ ПРИНОСИТЬ ИГРУШКИ

НЕ РАЗРЕШАЕТСЯ ВХОДИТЬ В ЗИМНИХ БОТИНКАХ

НЕ СМОТРЕТЬ В ОКНО

НЕ РАЗРЕШАЕТСЯ РАБОТАТЬ ДОПОЗДНА

НЕ РАЗРЕШАЕТСЯ ПРИНОСИТЬ ЖИВОТНЫХ

НЕ РАЗРЕШАЕТСЯ ОПАЗДЫВАТЬ

Сара застыла, ошеломленная. «Соломон прав. Большинство из нас сопротивляется своему Благополучию».

В этот день Сара стремилась как можно больше наблюдать и слышать. Во время ланча она села одна, на расстоянии от остальных детей, прислушиваясь к разговору, который вели двое учителей за столом позади нее. Она их не видела, но хорошо слышала.

— Ох, я не знаю, — сказал один. — А ты что думаешь?

— Ну. Я не стал бы этого делать на твоём месте, — ответил другой. — Никогда не знаешь, что выйдет. Может получиться еще хуже.

«Ого», — подумала Сара. Она не имела представления, о чем они говорят, но одно было совершенно ясно: советовали сказать «нет» предмету обсуждения.

Сара добавила в свой список:

Я НЕ ЗНАЮ

Я НЕ СТАЛ БЫ НА ТВОЕМ МЕСТЕ

День едва дошел до середины, а у нее уже были заполнены две страницы отрицаний, которые она собиралась обсудить с Соломоном.

Вторая половина дня принесла столько же плодов, что и утро, и к ее списку добавились:

НЕ БРОСАЙ!

ПРЕКРАТИ!

Я СКАЗАЛ — НЕТ!

ТЫ МЕНЯ НЕ СЛЫШИШЬ?

Я НЕПОНЯТНО СКАЗАЛ?

НЕ ТОЛКАЙСЯ!

Я НЕ БУДУ ТЕБЕ ПОВТОРЯТЬ!

К концу дня Сара была совершенно измучена. Ей казалось, что весь мир сопротивляется своему Благополучию.

— Соломон, ты как всегда прав. Почти все говорят «нет» вместо «да». Даже я. Я знаю, что должна делать, но даже этого сделать не могу.

НЕ МОГУ ЭТОГО СДЕЛАТЬ, — записала Сара в свой список.

— Что за день!

— У тебя получился внушительный список. Ты весь день трудилась.

— О, Соломон, ты и половины не знаешь! Это только часть того, что я сегодня слышала. Люди все время говорят «нет». И даже сами не замечают! И я тоже! Это трудно.

— Видишь ли, это не так трудно, когда ты знаешь, куда смотреть, и понимаешь, какая у тебя цель. Сара, прочитай мне что-нибудь из твоего списка, и я покажу тебе, что имею в виду.

— НЕ ОПАЗДЫВАЙ.

— Будь вовремя.

— НЕ ХОТИМ ПРИНИМАТЬ ГОСТЕЙ В ГРЯЗНОМ ДОМЕ.

— Мы хотим, чтобы гостям было у нас удобно.

— НЕ ВПУСКАЙ ХОЛОДНЫЙ ВОЗДУХ.

— Пусть в доме будет тепло.

— НЕ ОПАЗДЫВАЙ В ШКОЛУ.

— Приходить вовремя приятнее.

— НЕ ХОЧЕШЬ УПАСТЬ.

— Сосредоточься и следи за дорогой.

— НЕ ТАК ПРОСТО.

— Я с этим разберусь.

— НЕ БЕГАЙ ПО КОРИДОРАМ.

— Уважай окружающих.

— НЕ РАЗГОВАРИВАЙ В КЛАССЕ.

— Давай обсуждать и учиться вместе.

— НЕ СМОТРИ В ОКНО.

— Тебе полезнее обратить все внимание на урок.

— НЕ РАЗРЕШАЕТСЯ ЗАДЕРЖИВАТЬСЯ ДОПОЗДНА.

— Давай придерживаться сроков и работать вместе.

— НЕ РАЗРЕШАЕТСЯ ПРИНОСИТЬ ЖИВОТНЫХ.

— Животным лучше оставаться дома.

— Да, Соломон, ты в этом просто мастер.

— У тебя это тоже получится, Сара. Нужно просто потренироваться. А слова, которыми ты пользуешься, не так уж важны. Все определяет чувство отталкивания. Когда твоя мать сказала: «Не оставляй дверь открытой», она совершенно точно отталкивала то, чего не хотела. Но даже если бы она сказала: «Закрой дверь!» — она все равно больше осознавала бы, чего она не хочет, и, следовательно, ее вибрации все равно были бы отталкивающими. Я хотел бы, чтобы ты привыкла подаваться навстречу тому, что ты хочешь, а не отталкивать то, чего не хочешь. Конечно, твои слова указывают на направление твоего движения, но то, что ты чувствуешь, еще точнее указывает на то, пропускаешь ли ты Поток или сопротивляешься ему. Просто развлекайся, Сара. Когда ты отталкиваешься от того, чтобы говорить «нет», ты все равно отталкиваешься. Суть в том, чтобы как можно больше говорить о том, что ты хочешь.

А когда ты этому научишься, дела будут идти все лучше и лучше. Вот увидишь.

Глава 28

Идя домой из школы в последний учебный день этого года, Сара испытывала сложную смесь эмоций. Обычно это было самое счастливое время в году, когда впереди ее ожидало целое лето, которое можно было провести практически в одиночестве, без необходимости сидеть в комнате, набитой такими разными и часто неприятными, одноклассниками. Но в этом году последний школьный день ощущался совсем иначе. Она так сильно изменилась за прошедший год.

Сара шла быстро, вдыхая восхитительный весенний воздух и то и дело возвращаясь немного назад. Она хотела увидеть все и всех вокруг. Она никогда не видела такого прекрасного неба. Такого глубокого синего цвета. А пушистые белые облака создавали потрясающе яркий контраст. Сара слышала сладкую чистую песню птиц, которые сидели настолько далеко, что она их не видела, но их чудесные голоса все равно до нее доносились. Ощущение воздуха на коже было потрясающим. Сара пребывала в состоянии совершенного восторга.

— Вот видишь, Сара, Благополучие действительно наполняет все вокруг.

— Соломон, это ты!

— Оно везде, — звучал у Сары в голове ясный голос Соломона.

— Оно везде, Соломон. Я его вижу и чувствую!

— Вообще-то оно везде, куда его допускают. Постоянный ровный Поток Благополучия течет к тебе постоянно, и в любой момент ты пропускаешь его или сопротивляешься ему. И только ты одна можешь пропускать или отталкивать этот постоянный ровный Поток Благополучия. За все время наших встреч самое важное, что я хотел, чтобы ты поняла, — это прогресс уменьшения, или уничтожения путей сопротивления, который ты переняла у других людей. Потому что, если бы не сопротивление, которому ты научилась на этом физическом пути, Благополучие, которое для тебя естественно, Благополучие, которое ты заслуживаешь, текло бы к тебе само. Как и ко всем людям.

Сара вспомнила все те увлекательные разговоры, которые вели они с Соломоном. Какими прекрасными были эти встречи! И она поняла, что во всех случаях, при каждом разговоре Соломон помогал ей уменьшить сопротивление.

Она вспомнила техники, или игры, которые предлагал ей Соломон день за днем, и теперь, с сегодняшней точки зрения, она поняла, что все это время Соломон учил ее снижать сопротивление.

Понемногу Сара училась оставлять сопротивление позади.

— Ты тоже учитель, Сара.

Сара широко открыла глаза, и у нее перехватило дыхание, когда ее самый любимый учитель объявил, что она такой же учитель, как и он. Сара почувствовала, как сквозь нее и вокруг нее движется теплое чувство благодарности.

— И ты пришла для того, чтобы учить, что на самом деле все хорошо. Благодаря ясности твоего примера многие другие научатся понимать, что отталкивать на самом деле нечего. И

что на самом деле отталкивание приводит к тому, что человек не пропускает к себе Благополучие.

Сара чувствовала особую силу в словах Соломона. Его слова приводили ее в восторг. Она не знала, что сказать.

Она поднялась по гравийной дорожке во двор своего дома, ощущая себя настолько хорошо, что ей хотелось прыгать. Потом она взбежала по ступенькам и вошла в дом.

— Я пришла! — крикнула она всем, кто мог быть внутри.

Глава 29

Сара легла спать рано, торопясь вернуться к разговору с Соломоном. Она закрыла глаза и глубоко вдохнула, пытаясь найти то прекрасное место, в котором в прошлый раз рассталась с Соломоном.

— Все хорошо, — произнесла она вслух, спокойно, уверенно, с абсолютным знанием. А потом изумленно раскрыла глаза.

Соломон, которого Сара не видела много недель, сейчас парил прямо над ее кроватью. Но его крылья не двигались ни на миллиметр. Он был как будто подвешен в воздухе, без усилий удерживаясь над головой Сары.

— Соломон! — радостно закричала Сара. — Я та-ак рада тебя видеть!

Соломон улыбнулся и кивнул.

— Соломон, ты такой красивый!

Перья Соломона были снежно-белыми и светились, как будто каждое из них было лампочкой. Он выглядел намного больше и ярче, но это все равно был Соломон, которого знала Сара. Она могла убедиться в этом, заглянув ему в глаза.

— Полетели со мной, Сара! Я так много хочу тебе показать!

Еще до того, как Сара успела выразить согласие, она ощутила тот самый рывок, который чувствовала раньше, когда летала с Соломоном, и они полетели; но на этот раз они поднялись высоко над ее городком. Они были так высоко, что она ничего не могла разглядеть.

Чувства Сары стали намного острее. Все, что она видела, было невероятно прекрасным. Цвета стали глубже и красивее, чем она видела прежде. В воздухе разлился пьянящий запах; Сара прежде никогда не ощущала таких ароматов. Она слышала восхитительные звуки: птичье пение, журчание воды, свист ветра. Звуки «музыки ветра» и счастливые детские голоса плыли вокруг. Дуновение воздуха на коже было успокаивающим, приятным и возбуждающим. Все выглядело, звучало и ощущалось потрясающе.

— Соломон, — сказала она, — как это прекрасно!

— Я хочу показать тебе абсолютное Благополучие твоей планеты.

Сара и представить не могла, что приготовил для нее Соломон, но она была готова и хотела отправиться туда, куда он ее звал.

— Я готова! — воскликнула она.

И, сорвавшись с места, Сара и Соломон помчались далеко от планеты Земля, прочь, прочь, дальше Луны, дальше планет и даже дальше звезд. В считанные секунды они преодолели многие световые годы, и Сара увидела свою прекрасную планету, вращающуюся и сверкающую далеко-далеко, двигающуюся в идеальном ритме с Луной и другими планетами, звездами и Солнцем.

Пока Сара смотрела на Землю, ее тело наполнило ощущение абсолютного Благополучия. Она с гордостью любовалась тем, как планета ровно и уверенно вращается на своей оси, как будто танцует с другими партнерами, каждый из которых точно знает свою партию в величественном танце. Сара потрясение ахнула.

— Посмотри, Сара. И знай, что все хорошо. Она улыбнулась и почувствовала, как ее окутывает теплый ветер благодарности.

— Та же энергия, которая создала твою планету, по-прежнему течет к ней, чтобы поддерживать жизнь. Бесконечный Поток чистой позитивной Энергии течет ко всем вам, постоянно.

Сара смотрела на свою планету, точно зная, что это правда.

— Давай теперь посмотрим поближе, — сказал Соломон.

Теперь Сара не видела другие планеты, а Земля светилась прямо перед ней. Она ясно видела четкую границу между океанами и сушей. Линии берегов выглядели так, будто их провели огромным маркером, а вода мерцала, как будто под ней скрывались миллионы огней, подсвечивая моря, чтобы с неба они лучше смотрелись.

— Знаешь ли ты, Сара, что вода, которая питала твою планету миллионы лет, — это та же вода, что питает ее сейчас? Это Благополучие огромных масштабов. Только подумай, Сара. Ничего нового не падало и не текло на твоей планете. Поколение за поколением открывает неизмеримые ресурсы. Возможности счастливой жизни остаются неизменными. И физические существа в той или иной мире обнаруживают это совершенство. Давай посмотрим поближе.

Соломон и Сара пролетели низко над морем. Сара чувствовала восхитительный морской воздух и знала, что все хорошо. Они мчались быстрее ветра над огромным Гранд-Каньоном — широкой, длинной, извилистой трещиной в земной коре.

— Что это?! — потрясенно ахнула Сара.

— Это свидетельство того, что Земля умеет постоянно поддерживать свое равновесие. Твоя Земля постоянно стремится к нему. И вот доказательство.

Сейчас, паря над землей примерно на той же высоте, на которой летают самолеты, Сара наслаждалась невероятным пейзажем. Столько зелени, столько красоты, столько Благополучия.

— Что это? — спросила Сара, указывая на небольшой конус, выдающийся на поверхности Земли и выбрасывающий большие клубы черно-серого дыма.

— Это вулкан, — ответил Соломон. — Давай посмотрим поближе.

И прежде чем Сара успела возразить, они полетели, спускаясь все ниже к земле, прямо через дым и пыль.

— Ух ты! — воскликнула Сара. Она была поражена, что ощущение абсолютного Благополучия сохраняется, несмотря на то, что она ничего не видела перед собой. Они взлетели выше, за пределы дыма. и Сара посмотрела вниз, на то, как вулкан курится и выплескивает лаву.

Это еще одно свидетельство Благополучия. Это еще один признак того, что Земля поддерживает свое идеальное равновесие.

А затем они полетели все выше и выше, прочь, к следующему потрясающему виду. Это был пожар. Очень сильный пожар. Сара видела мили красно-желтых языков пламени, которые время от времени скрывали большие клубы дыма. Дул сильный ветер, дым иногда уносило в сторону, и тогда огонь был виден отчетливо. Но затем дым становился настолько густым, что Сара не видела уже ничего. То и дело она замечала животных, изо всех сил убегающих от огня, и ощутила печаль из-за того, что пожар уничтожит прекрасный лес и дома стольких животных.

— Это так ужасно, Соломон, — прошептала Сара, отзываясь на обстоятельства, которые видела.

— Это лишь еще одно проявление Благополучия. Это еще одно свидетельство стремления Земли к равновесию. Если мы останемся здесь достаточно надолго, ты увидишь, как пожар добавит Земле необходимых питательных веществ. Ты увидишь, как прорастают и расцветают новые семена, и со временем ты поймешь, насколько важен был этот огонь — часть общего равновесия планеты.

— Мне просто жалко животных, которые потеряли свой дом.

— Не нужно жалости, Сара. Они идут к новым домам. Они не чувствуют утраты. Они — воплощения чистой позитивной Энергии.

— Но некоторые из них умрут, — возразила Сара. Соломон просто улыбнулся, и Сара улыбнулась следом.

— Мысли о смерти трудно преодолеть, да? Здесь все хорошо, Сара. Давай посмотрим на другое.

Саре нравилось окутывавшее ее ощущение Благополучия. Она всегда считала море опасным: в нем водились акулы и гибли корабли. Телерепортажи об извержениях вулканов ее пугали. В новостях то и дело говорили о лесных пожарах и катастрофах, и Сара поняла, как сильно отталкивала эти мысли.

Новая точка зрения ощущалась намного лучше. Все то, что раньше Сара считала просто ужасным, трагичным, теперь, при оценке свежим взглядом, приобретало совершенно новое значение.

Сара и Соломон летали всю ночь, останавливаясь только для того, чтобы посмотреть на удивительное Благополучие планеты. Они видели, как рождается теленок, и как цыплята проклевываются из яиц. Они видели, как тысячи людей ездят на машинах, и только немногие из них сталкиваются. Они видели, как тысячи птиц перелетают в теплые края, и как домашние животные на фермах отращивают длинную шерсть к зиме. Они видели, как собирают урожай в садах и как сажают новые деревья. Они видели образование озер и пустынь. Они видели рождение людей и животных, и смерти людей и животных тоже — и в каждую секунду времени Сара знала, что все действительно хорошо.

— Соломон, как я смогу кому-нибудь все это объяснить? Как я заставляю их понять?

— Это не твоя работа, Сара. Достаточно, что ты сама понимаешь.

Сара вздохнула с огромным облегчением и вдруг почувствовала, как мама трясет ее за плечо.

— Сара, вставай! У нас много дел.

Сара открыла глаза и увидела, что мама склоняется над ней, и, возвращаясь к бодрствованию, она натянула одеяло на голову, пытаясь спрятаться от дня.

— Все хорошо, — услышала она голос Соломона. — Помни наше путешествие.

Сара стянула одеяла с головы и широко улыбнулась маме.

— Спасибо, мам! — сказала она. — Я буду быстрее ветра. Вот увидишь. Буду готова через секунду.

Ее мама, пораженная, смотрела на то, как Сара выбралась из постели, двигаясь четко и уверенно, и, очевидно, с радостью.

Сара распахнула шторы, подняла окно и вытянула руки с улыбкой на лице.

— Какой прекрасный день! — воскликнула она с таким энтузиазмом, что мама замерла в изумлении.

— Сара, с тобой все в порядке, солнышко?

— Все идеально! — ясно сказала Сара. — Все хорошо!

— Хорошо, милая, — неуверенно сказала мама Сары.

— Именно так, — сказала Сара, торопясь в ванную и улыбаясь до ушей. — Именно так!
КОНЕЦ